

Н.З.ГАДЖИЕВА Б.А.СЕРЕБРЕННИКОВ

Сравнительно-историческая
ГРАММАТИКА
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

СИНТАКСИС

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языкознания

Н.З.ГАДЖИЕВА
Б.А.СЕРЕБРЕННИКОВ

Сравнительно-историческая
ГРАММАТИКА
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

СИНТАКСИС

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Э.Р. ТЕНИШЕВ

МОСКВА "НАУКА" 1986

Монография представляет собой вторую книгу четырехтомного коллективного труда (см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984). В ней разработаны приемы синтаксической реконструкции и методика построения синтаксических архетипов. Объектом исследования являются все структурные единицы от словосочетания до сложного предложения во всех тюркских языках.

Редколлегия:

доктор филологических наук **Н.А. БАСКАКОВ**,
академик **А.Н. КОНОНОВ**,
член-корреспондент АН СССР **Э.Р. ТЕНИШЕВ**

Рецензенты:

К.Е. МАЙТИНСКАЯ, Г.Ц. ПЮРБЕЕВ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сравнительно-исторические грамматики многих семей языков обычно не содержат раздела, посвященного синтаксису. В предлагаемой грамматике тюркских языков впервые в мировом языкознании предлагается специальный раздел сравнительно-исторического синтаксиса. Изучение истории синтаксиса является одним из наиболее слабых участков тюркологической науки. Нельзя, конечно, утверждать, что тюркологи никогда не исследовали проблемы исторического синтаксиса. Однако эти попытки не были проникнуты единой идеей, не подчинялись продуманной концепции. Противоречивость мнений и суждений является результатом отсутствия самой теории исторического синтаксиса. Нет единой точки зрения в понимании сущности придаточного предложения, природы сказуемого, причастных и деепричастных конструкций и т. д.

Предлагаемая книга является развитием положений Н.З. Гаджиевой, изложенных в ее монографии "Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков" (М., 1973). Так же как и в той, в настоящей работе авторы старались следовать единой концепции исторического синтаксиса, заключающейся в тесной увязке исторического синтаксиса с исторической морфологией. Разрыв этих двух дисциплин представляется совершенно неправомерным, так как историческое движение и изменение синтаксических единиц нельзя понять без знания истории их морфологических опор.

Своеобразное понимание синтаксического архетипа как типовой модели, имеющей определенную морфологическую опору, представляет собой дальнейшее развитие идей немецкого синтаксиста Б. Дельбрюка.

Многие тюркологи рассматривают синтаксис как типологически нечто единое, однако в современных тюркских языках представлено по меньшей мере три синтаксических типа — древнетюркский, переходный и индоевропейский, или, точнее, тюркско-индоевропейский. Монография содержит критическую оценку взглядов как зарубежных, так и отечественных тюркологов на сущность исторического синтаксиса. Мы придерживаемся строго исторического подхода к явлениям современного синтаксиса. Прежде чем определять сущность придаточного предложения в современных тюркских языках, мы считаем необходимым уяснить, как возникли и развивались различные типы предложений в этих языках.

Объектом исследования в работе являются синтаксические единицы — словосочетание (именное и глагольное) и предложение (простое и сложное, именное и глагольное). В монографии сделана попытка выработать понятие синтаксического архетипа и определить пути его исторического изменения, разработать приемы сравнительно-исторического анализа на синтаксическом уровне.

Авторы не претендуют на то, чтобы считать выдвинутую ими концепцию сравнительно-исторического синтаксиса окончательной. Возможно, что в будущем будут представлены какие-то другие концепции, может быть более удачные, чем в настоящей книге.

Предлагаемые в монографии выводы необходимо проверить как в процессе исследования проблем исторического синтаксиса конкретных языков, так и в практике вузовского преподавания. Разработанная авторами концепция позволит исследователям правильно систематизировать огромный лингвистический материал для решения многих синтаксических проблем в историческом плане.

Работа базируется на обширном теоретическом материале, приведенном в списке литературы (отсылки на него даются в квадратных скобках) и снабжена многочисленными языковыми иллюстрациями, отсылки на которые даны в круглых скобках.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Можно без преувеличения сказать, что до последнего времени отечественная и зарубежная тюркология не располагала специальными работами, посвященными сравнительно-историческому анализу синтаксической структуры и изучению истории различных синтаксических единиц. Однако это не значит, что отдельные проблемы развития синтаксического строя тюркских языков не привлекали внимания лингвистов. Особый интерес вызывали вопросы соотношения именных и глагольных конструкций на ранних этапах истории тюркских языков. Отождествление именных и глагольных групп на ранних этапах нашло отражение в работах Ж. Дени, К. Грёнбека и др. [Deny 1921; Grönbech 1936].

Принцип организации групп слов, который эти авторы клали в основу теории предложения, в дальнейшем получил подтверждение на материале конкретных языков. Известное положение К. Грёнбека относительно того, что термины "субъект" и "объект" для тюркской грамматики условны и что строение предложения основано на принципе организации групп [Grönbech 1936, 134], было положено в основу теории, согласно которой весь тюркский синтаксис рассматривается как система определений. Автор этой теории Манди придерживался того взгляда, что основой синтаксической структуры тюркских языков является принцип предшествующих определений (the basic principle of preceding qualification). Манди не пытается выявить границы между различными синтаксическими единицами. Для тюркских языков им определен единый основной структурный принцип, но не единая синтаксическая система [Mandi 1955, 305]. Принцип предшествующих квалификаторов Манди усматривает в основе любых синтаксических комбинаций (от простейших до сложных). В турецком синтаксисе отношения "подлежащее — сказуемое", "объект — глагол" и проч. представляют точную параллель соотношению "прилагательное — имя существительное". В сущности, не имеет никакого значения, к какому грамматическому разряду относятся определяемые слова, а важны только отношения подчинения, важна опорная база, которая распространяется посредством квалификаторов [Там же, 281].

Получило развитие базирующееся на теории именного строя тюркской речи положение о том, что исходными для предикативных отношений являются атрибутивные отношения. Так, например, Э.В. Севортян полагает, что исторически предикативные отношения развивались и даже еще сейчас развиваются из атрибутивных отношений на почве грамматического их переосмысления, в результате чего атрибутивное сочетание распадается на

подлежащее и сказуемое (имеются в виду образования типа *мен алганни бар* 'я брал' из *мениң алганым бар*). По мнению Э.В. Севортяна, анализируемая форма *ишчимен* 'я рабочий' по своему строению исторически может быть понята не только как предикативная или атрибутивная группа, но и как синтаксически синкретичная, в которой отсутствует еще принципиальное разделение словесных групп на предикативные и атрибутивные [1961, 8].

Гипотезу о первичности атрибутивных отношений признает также Н.А. Баскаков. В одной из своих статей Н.А. Баскаков делает вывод, что предикативные и атрибутивные синтагмы имеют одинаковую корреляцию, т. е. предикативные синтагмы по своему происхождению те же атрибутивные синтагмы [Baskakov 1960, 36]. Если это так, то ккалп *Мениң атам авулыа барған* 'Мой отец ушел в деревню' в древности непременно должна была иметь вид *Мениң атам авулыа барған ол*, иначе в сказуемом не получится атрибутивной группы *барған ол* 'ушедший он'. Субстантивный элемент сказуемого в тюркских языках утратился [Там же]. В основе этой концепции Н.А. Баскакова лежит теория близости атрибутивных и предикативных групп К. Грэнбека. "Два следующие друг за другом имени, — писал К. Грэнбек, — превращаются в одно понятие, так что часто трудно сказать, следует ли его понимать как имя с его атрибутом, или это предложение. Например, *ол олур* может быть самостоятельным высказыванием, или предложением — 'он сидит'. Центр тяжести в этом высказывании, однако, последнее имя, и *ол* находится в подчиненном положении. Следовательно, деятель (Аgens) выражен здесь как атрибут отглагольного имени и представляет простое побочное определение имени. Передача его по-немецки как 'его сидение' (Sein Sitzen) или 'он сидение' (Er — Sitzen) точнее бы выражала его сущность. Это предложение, не меняя своей формы, может быть употреблено перед другим именем в качестве определения: *ол олур јер* 'место, на котором сидит', букв. 'он сидение место' [Grönbech 1936, 85].

Исходя из того, что многие глагольные формы в тюркских языках когда-то были причастиями, Н.А. Баскаков пришел к выводу, что причастия не могут находиться в предикате без определяемого, которым должен быть непременно какой-нибудь субстантивный элемент или его местоименный заменитель. Действительно, иногда местоимения в предикате встречаются, ср. тув. *Qara-ool bistünge xünniң kelir čüwe* 'Кара-оол к нам ходит каждый день'. В истолковании Н.А. Баскакова, *Кара-оол* — 'некто приходящее к нам каждый день' [Baskakov 1960, 34]. Ср. также тат. *Хасан язучы ул* 'Хасан писатель' (букв. 'Хасан — писатель он'). Однако подобные примеры не позволяют считать данную конструкцию с местоимением своего рода стадией в развитии сказуемого в тюркских языках.

Случай появления местоимений в предикате можно объяснить иначе. Например, в татарском языке употребление местоимения *ул* 'он' в составе предиката (ср. *Хасан — язучы ул* 'Хасан — писатель') объясняется тем, что, во-первых, это местоимение используется как средство эмпазы. Когда говорят: *Хасан язучы ул*, то хотят особо подчеркнуть, что писатель именно Хасан, а не кто-либо другой. Во-вторых, в татарском языке наблюдается тенденция употреблять связку. Поэтому предложение *Хасан язучы ул* можно в известной мере истолковать как 'Хасан есть писатель'. Связка

необходима для того, чтобы отличить подобные предложения от приложени.

Постулируемая некоторыми тюркологами древняя структура тюркского предиката "определение + определяемое" неверна хотя бы уже потому, что она противоречит фактам исторической действительности. В истории различных языков мира можно найти немало случаев, когда глагольная личная форма действительно возникает из причастия. Здесь более или менее регулярно обнаруживаются две фазы развития.

1-я фаза. Причастие сначала соединяется с глаголом-связкой. Образуется сочетание типа *написавший есмь, пишущий есмь* и т. д. В данном случае глагол-связка ни в коем случае не играет роли определяемого по отношению к причастию. Др.-рус. *писал есмь* некогда означало "написавший есмь".

2-я фаза. Подобные сочетания превращаются в формы *verbum finitum*. Современная русская фраза *он написал* никак не может означать 'он писавший'.

Имея в виду эту особенность, можно сравнительно легко объяснить первоначальное значение форм наст. времени в азербайджанском языке типа *билирам* 'я знаю', *билирсен* 'ты знаешь' и т. д., которые некогда означали 'знающий есмь, знающий еси' и т. д. Таким образом, приведенные выше случаи можно объяснить, не прибегая к гипотезе о первоначальной структуре древнего сказуемого в тюркских языках, представляющей словосочетание "определение + определяемое".

С теорией о первоначальном преобладании именного строя в тюркских языках связана и широко распространенная среди тюркологов концепция активизации субъекта действия. Основы теории о посессивной структуре предложения были заложены в работах И.И. Мещанинова и А.П. Поцелуевского. Дальнейшее развитие эта теория получила в работе М.Б. Балакаева [1948]. Рассматривая два типа предложений с субъектом в род. и осн. падежах, М.Б. Балакаев отмечает, что активный тип предложения заметно стал вытеснять пассивный тип [Там же, 27]. Некоторые тюркологи также придерживались этой точки зрения.

По мнению А.З. Абдуллаева, глагольные обороты на *-ан/-ган, -дыг* и др. с момента их появления обладали посессивным значением — их субъекты употреблялись в форме род. падежа и вместе с причастием и деепричастием образовывали словосочетания; со временем первый компонент утратил аффикс род. падежа, а второй — аффикс принадлежности [1967, 14]. Процесс развития синтаксической структуры тюркских языков нельзя сводить к преобразованию посессивного строя в номинативный. Анализ синтаксической структуры на материале различных тюркских языков показывает, что конструкции с род. падежом не изначальны, как не изначальна сама категория определенности-неопределенности. Развитие 3-го типа изафета, связанное с развитием форматива род. падежа, соотносимо с более поздним периодом тюркской праязыковой общности. О более позднем развитии определенности в связи с развитием генитива писал К. Грөнбек [Grönbeck 1936]. О. Бётлингк [Böhtlingk 1851] указывает на то, что в тюркских языках род. падеж возник после выделения из тюркской общности якутского языка, поскольку в якутском нет его признаков. Развитие род. падежа, связанное с категорией определенности, было поддержано и В.В. Кот-

вичем. Даже при современном состоянии тюркских языков, когда в них превалирует морфологизация, старая категория неопределенности тем не менее сохраняется как постоянная семантическая категория, которая вместе с порядком слов оказывает влияние на структуру предложения [Котвич 1962, 341].

Взгляд, который отражен в разработках изафета у Ж. Дени, К. Грэнбека, В.А. Богородицкого, в основном правилен, и морфологи, вероятно, будут вынуждены пересмотреть те части своих грамматик, где говорится об опущении разных морфологических элементов.

Большое внимание в тюркологической литературе уделялось вопросу о путях развития структуры сложного предложения. А. Рифтин выдвинул теорию двух путей развития сложного предложения (на материале аккадского языка). Первый путь — соединение двух простых предложений на базе сочинения, из которого в дальнейшем вырастает подчинение. Второй путь — развитие сложного предложения через обороты [Рифтин 1931, 66]. На материале тюркских языков эта точка зрения встретила поддержку со стороны некоторых тюркологов [ср. Севортян 1961, 126].

По существу, эта точка зрения является эклектичной, поскольку А. Рифтин в одинаковой мере признает предложениями как придаточные предложения, возникшие на базе сочинения, так и причастные и деепричастные обороты, фактически не являющиеся придаточными предложениями.

Точка зрения А. Рифтина противостоит другая гипотеза, исключающая возможность развития сложного предложения из простого и допускающая преобразование некогда личной формы в причастную, деепричастную, глагольно-именную. Согласно такому взгляду собственно исходным материалом для построения сложного предложения во всех случаях является простое.

Основы этой теории на материале тюркских языков были заложены М.А. Казембеком. В грамматике турецкого языка содержится замечание, что причастные и деепричастные конструкции есть сокращенные придаточные предложения. Для сокращения фразы относительное местоимение со своим глаголом (разумеется, когда они составляют во фразе придаточное предложение) заменяется причастием наст. или прош. времени [Казембек 1839, 435]. Вопрос о сокращении придаточных предложений был поднят А. Востоковым в "Русской грамматике", вышедшей в 1831 г. Этой точки зрения придерживались Н.И. Греч, Д.В. Давыдов, позже — Ф.И. Буслаев.

Ценной у М.А. Казембека была сама идея о трансформации синтаксических конструкций. Однако в его теории не было достаточной четкости. Он отождествлял естественные причастные, деепричастные образования с аналогичными конструкциями с самостоятельными подлежащими. Кроме того, он предполагал, что в тюркских языках подвергались сокращению уже сложившиеся придаточные предложения. На самом деле трансформации подвергались первоначально два простых предложения.

В дальнейшем теория преобразования самостоятельного предложения в зависимую неличную конструкцию была развита Н.А. Баскаковым. Благодаря возможности предложения трансформироваться в притяжательное определительное сочетание последнее может выступать в качестве любого члена предложения, представляя собой своеобразное субстантиви-

рованное или атрибутивное предложение (*Ол аулаа кеткен* 'Он уехал в аул').

Н.А. Баскаков определил также признаки трансформации предложения. При трансформации предложения в определительное сочетание происходят следующие изменения отдельных членов предложения: а) подлежащее в осн. падеже при переходе в определительное сочетание трансформируется в определение к сказуемому и получает аффикс род. падежа; б) сказуемое предложения трансформируется в определяемое и получает соответствующий притяжательный аффикс. Остальные члены предложения при переходе одной конструкции в другую остаются без изменения [Баскаков 1961, 111, 112].

Те же идеи содержатся в работах Н.Т. Сауранбаева. Глагольные имена, причастия, деепричастия, являвшиеся некогда формами сказуемого простого предложения, постепенно становятся центром синтаксических отношений одного (подчиненного) и другого (главного) предложений. Автор указывает на важную структурную особенность: при переходе подчиненного предложения в изафетную конструкцию подлежащее становится дополнением в род. падеже, сказуемое — подлежащим с притяжательным аффиксом (ср. *Бала мектепке келген* 'Мальчик пришел в школу' и *Баланың мектепке келгені* 'Приход мальчика в школу' [Сауранбаев 1948, 33, 35]). Точку зрения на возможность преобразования самостоятельного предложения в определительную конструкцию разделяет и Г.И. Байтугаева. На материале казахского языка автор показывает, что причастное сказуемое можно изменить в первоначальную спрягаемую форму глагола; иногда же сказуемое определительной конструкции будет восприниматься не как причастие, а как давно прош. время изъявительного наклонения [Байтугаева 1958, 181]. С.А. Соколов также полагает, что причастие в определительной конструкции тур. *kitap satulan mağaza* 'магазин, в котором продаются книги' — потенциально возможный предикат в сложносочиненном предложении, которое развилось в сложноподчиненное [Соколов 1966, 158].

Вышеназванные тюркологи только показали возможный механизм преобразования простых предложений в зависимые конструкции (преимущественно определительные). Однако начальные стадии такого преобразования простых предложений остались нераскрытыми.

На самом деле модели зависимых конструкций, или, как мы их будем называть в дальнейшем, зависимых трансформ, создавались постепенно. Зависимые трансформы стали образовываться в тот период исторической жизни тюркских языков, когда возникла необходимость в более сложном построении мысли, связанном с развитием письменной речи. Это признание исключает предположение об изначальном существовании трансформ и позволяет говорить об относительной датировке процесса их сложения. В историческом развитии сложного предложения условно можно выделить три хронологических этапа: 1) абсолютное преобладание простого предложения; 2) появление первоначальных образцов, так сказать, несовершенных трансформ: разнообразных переходных, грамматически не устоявшихся конструкций; комбинированных способов выражения подчинения; 3) оформление и развитие зависимых трансформ, этот этап подготовлен предшествующими этапами исторического развития, а исходный

импульс их возникновения следует искать очень рано — в период абсолютного преобладания простых предложений, когда простые предложения объединялись по способу примыкания.

Указание на возможность трансформаций далеко не решало всего круга сложных проблем, связанных с созданием исторического синтаксиса тюркских языков. Создавалось впечатление, что все его особенности сводятся только к трансформации предложений. На самом деле история тюркского синтаксиса — это история различных синтаксических приемов.

Хронологически очень раннее существование простых предложений признают многие тюркологи. Первоначально тюркские языки, отмечает К. Брокельман, знали только простые предложения, следующие друг за другом без союзов [Brockelmann 1954, 389, 391]. Исследование синтаксической структуры языка памятников тюркских языков приводит к тем же выводам. Бессоюзные сложные предложения в языке памятников XI в. ("Дивану Лугат-ит-турк", "Кутадгу билиг") являются самыми употребительными. Преобладание структуры цепных присоединительных предложений на раннем этапе развития тюркских языков отмечает и Т.Р. Кордабаев [1967, 16–17].

Определительные конструкции, примыкающие к главному, были объектом анализа многих авторов. Конструкции типа *quş olturur yığaç* 'дерево, на котором сидит птица', которую К. Брокельман рассматривает как "довольно раннее" синтаксическое образование, некоторые советские тюркологи относят к раннему периоду пратюркской общности [Дмитриев 1948, 253]. Так, например, С.А. Соколов конструкцию типа *kitap satılan mağaza* 'магазин, в котором продаются книги' рассматривает как исконную для многих тюркских языков, весьма древнюю, представляющую собой прототип придаточного предложения. Дальнейшее развитие этого архаического типа придаточных предложений в тюркских языках, отмечает он, шло, по-видимому, в направлении от паратаксиса к гипотаксису, путем приобретения дополнительной синтаксической связи — аффикса принадлежности 3-го лица при субъекте конструкции. Архаичные конструкции типа *tütün yetişen yer* 'место, где производится табак' непродуктивны для современного турецкого языка, в котором широкое распространение получили синтаксические образования типа *dami yanan ev* 'дом, у которого горит крыша' [Соколов 1966, 156, 158]. Н.К. Дмитриев связывал их происхождение с развитием литературного языка, поскольку разговорный язык предпочитает более древнюю форму той же конструкции (без аффикса принадлежности при субъекте действия) [Дмитриев 1948, 253].

Несомненно, что конструкции, первый член которых подвергся притягательной аттракции (оформление род. падежом), — результат более позднего развития по сравнению с теми, которые связаны с последующим предложением одним порядком слов. Н.К. Дмитриев образцы подобной конструкции считает старше по возрасту, чем образования типа *kyzy ulğan kart* 'старик, у которого умерла дочь'. Хронологически более ранние конструкции типа *аты бар батыр, аты юк ягыр* 'тот, у кого есть конь, — батыр, тот, у кого нет коня, лежит' зафиксированы в старых фольклорных текстах. Такого рода предложения, типичные для башкирского и всех тюркских языков, отражают процесс создания относительного придаточного из независимого простого, которое ставится перед главным

в качестве его логического определения. На следующем этапе исторического развития подобных конструкций, отмечает Н.К. Дмитриев, возможна формальная связь между двумя предложениями посредством *булган*: *Булат аксаһы күп булган кешеләрҙән түгел* 'Булат не из таких людей, у которых много денег' [1948, 254–255].

Вопросами, связанными с природой синтаксической конструкции типа *каз. баласы бар әйел* 'женщина, имеющая детей', занимался Э.В. Севортян. Считая, что эти конструкции возникли относительно поздно, он полагает, что с синтаксической точки зрения они скорее атрибутивно-предикативные, напоминающие образования типа тур. *yemiş dolu bahçe* 'сад, полный плодов'. По их образцу строятся синтаксические группы с причастием типа аз. *анасы хәстә душмуш ушаг* 'ребенок, у которого заболела мать' [Севортян 1961, 134].

Определительные конструкции с субъектом действия, оформленным род. падежом, типа туркм. *мениң эдйән ишим* 'работа, исполняемая мной' выделяются А.П. Поцелуевским в особый структурный тип предложения квазиэргативного строя. Предложения квазиэргативного строя и посесивные предложения А.П. Поцелуевский рассматривает как две самостоятельные линии развития, имеющие общим исходным пунктом инкорпорированное слово-предложение. Дальнейшая ступень развития квазиэргативного предложения выражается в том, что отпадают формальные показатели грамматической связи субъекта и объекта, и оба они оказываются стоящими в одном и том же прямом падеже, т. е. взамен потенциальных предложений типа *бизиң гөрөн яшларымыз* 'виденные нами юноши' появляются предложения нового строя *биз гөрөн яшлар* [Поцелуевский 1946]. С.А. Соколов, называя такие трехчленные конструкции предикативно-атрибутивными, форму род. падежа субъекта действия связывает с категорией определенности-неопределенности [Соколов 1966, 172].

Специфику приводимых выше конструкций многие тюркологи объясняли особыми свойствами формирующего конструкцию члена – сказуемого-причастия. Попытка исторического объяснения употребления сказуемого-причастия в названных конструкциях предпринималась Э.В. Севортяном: это употребление причастий он объясняет сохранившейся до наших дней нейтральностью глагола в отношении категории активности–пассивности (активное и пассивное значение причастий различается по определяемому имени [Севортян 1958, 35]).

Анализу в историческом плане подверглись и отдельные структурные элементы простого предложения. Наибольшее внимание исследователей привлекали способы выражения сказуемого и в особенности проблема связи. Как уже указывалось, исторически предикативные словосочетания, или предложения-суждения, по мнению Н.А. Баскакова, представляли собой сопоставление двух слов-понятий (предметов-субстанций), из которых первое в функции подлежащего-субъекта имело характер конкретного единичного отдельного слова-понятия, а второе – в функции сказуемого-предиката имело характер абстрактного общего слова-понятия с обязательным универсальным признаком, определяющим это выраженное в сказуемом-предикате абстрактное общее слово-понятие в пространстве и времени, т. е. признаком всегда динамическим (глагольным).

Следы такой древней структуры предложения отмечаются в древне-

уйгурском языке, в литературном языке караханидского периода и в ряде современных тюркских языков. Ср., например, тув. *мал-хауула чор ол* 'скот пасется на пастбище'; *Фазыл-тимерше ул* (<*тимерше турур ул*) 'Фазыл-кузнец', букв. 'кузнецом являющийся он (тот)//тот, кто является кузнецом'.

Имя со связкой генетически восходит к своего рода словообразовательной форме составного глагола. Модель простого предложения *бу ат-жакъсы дир* или *бу ат-жакъсы* является более новой структурой по сравнению с первоначальной моделью *бу ат-жакъсы ат* (*жакъсы турур ат ол*) 'эта лошадь — хорошая лошадь' [Баскаков 1956, 83, 86]. Предикативный показатель *ол/ул*, известный как в старых, так и в современных тюркских языках, Э.В. Севортян рассматривает как "довольно древнюю" форму выражения предикативности в 3-м лице — ср. тат *ул эшче ул* 'он рабочий'. Использование местоимения *ол* при оформлении сказуемого отмечал и К. Брокельман; он считал, что местоимение *ол* имеет тенденцию к переходу в связку: *māniç tānım kim ol?* [Brockelman 1954, 274, 275] 'кто мой бог?'. Вопросы, связанные с происхождением глагола-связки наст. времени ставились В. Котвичем на материале старых памятников и живых тюркских языков, сохранивших несколько форм недостаточного глагола *-ā, -ār* (*ārūr, ārinç* и проч.). В. Котвич считает основным глагол-связку *ā*, которая может иметь варианты с узкими *e* и *i*. Элемент *-r* в форме *ār-fer-* возник как показатель аориста, подтверждением этому служит сохранившееся в ряде тюркских языков слово [emes] 'не есть, не имеется' — отрицательная форма аориста от корня *ā* - [Котвич 1962, 280].

Вопрос о причинах исчезновения глагола-связки наст. времени не ставился ни в тюркологический, ни в общеалтаистической литературе.

Способы выражения связи наст. времени в тюркских языках очень разнообразны. Широкое использование личных местоимений (подчиняясь действующему закону сингармонизма, они претерпевали фонетическую трансформацию, переходя в разряд аффиксов), наличие связки *-тур/-турур*, использование формы глагола 3-го лица для всех лиц, использование слов *бар/йок* в функции связки и др. — все это немало способствовало разрушению и вытеснению связки *ā*-. Таким образом, связка *ā*- могла быть постепенно вытеснена благодаря существованию в тюркских языках значительного числа ее грамматических аналогов.

При историческом анализе структуры сложного предложения на материале отдельных тюркских языков основное внимание исследователей обычно направлено на развитие тех или иных конкретных союзов, исчезновение одних союзов и появление других, изменения, происходящие в сфере их употребления, соотношение на определенных этапах исторического развития причастных, деепричастных и союзных конструкций [Абдурахманов 1967, 4, 5].

В ряде работ ставятся вопросы этимологии отдельных союзных слов, и реконструкции грамматических форм. Для исторического изучения структуры синтаксических конструкций имеют важное значение положение К. Брокельмана о том, что так называемая условная форма *-ay* в своей основе является оптативом и что безличной формы глагола первоначально тюркские языки не знали [Brockelmann 1954, 398, 399], замечание Грёйбека о том, что окончание *-lar* первоначально означало не

мн. число, а коллективность, собирательность [Grönbeck 1936, 58], наблюдение А.Н. Кононова относительно "склонений предложений" в тюркских языках [1967, 23].

К числу достижений в области разработки теории исторического синтаксиса можно было бы отнести следующие положения: исходным материалом построения сложного предложения является простое; первоначально тюркские языки знали только простые предложения, следующие друг за другом без союзов; личная глагольная форма может преобразовываться в причастную, деепричастную и глагольно-именную форму; в тюркских языках некогда существовали формы наст. времени глагола-связки *ä*.

Теория первоначального именного строя тюркской речи основывается на утверждении, будто бы древний тюркский предикат всегда строится по схеме: "причастие + связка". Такое утверждение неверно хотя бы потому, что есть образования типа каз. *бар-а-мын* 'я иду', построенные по схеме: "корень глагола + аффикс многократного действия + личное окончание". Не могут быть подтверждением вышеуказанного положения формы типа *ал-ыр-мын* 'я возьму'. *Алыр*, действительно, когда-то было причастием, подобно тому как в русском языке *писал* когда-то было формой причастия от глагола *писать*. Тюркологи, утверждающие, что форма *алырмын* — причастная форма в предикате, смешивают два вопроса — использование причастия для построения глагольных форм и фактическое существование причастия. Хотя в структуре форм типа *алырмын* и имеется причастие, но оно здесь уже перестало быть причастием. Наглядным подтверждением того, что тюркский глагольный предикат не был именным с самого начала, является различие форм отрицания у глагола и имени.

В тюркологии были также сторонники теории о посессивной структуре предложения, заложенной в трудах И.И. Мещанинова и А.П. Поцелуевского (см. об этом выше). Отпричастные имена существительные с притяжательными суффиксами широко употребляются для образования глагольных времен в таких сугубо номинативных языках, как угрофинские. Никакой особой посессивной стадии и в данном случае не прослеживается.

Кроме описанного выше, созданию правильной теории исторического синтаксиса тюркских языков мешает следующее.

1. Отсутствие исторических грамматик по ряду языков.
2. Отсутствие письменных памятников многих языков (алтайского, карачаево-балкарского, ногайского и др.).
3. Невыясненность преемственных связей между целым рядом древних тюркоязычных памятников и современными языками. Не следует думать, подчеркивает в одной из своих последних работ П.А. Батманов, что язык памятников орхоно-енисейской письменности был тем "прямым", на основе которого развивались другие тюркские языки. Во-первых, особенности тюркской речи (в отличие от тунгусской, монгольской и др.) сложились задолго до возникновения письменности у ее носителей; во-вторых, носители этой речи в VI—VII вв. не составляли единой народности. Автор предполагает, что в орхоно-енисейских памятниках получила прямое отражение речь одного из небольшой группы активных племен, наряду с которой могли существовать незафиксированные в письменности диалекты, наречия или языки. И.А. Батманов считает, что енисейские признаки отра-

зились в языках предков киргизов, тувинцев, шорцев, хакасов и других, огузские (орхонские) признаки в ходе сложного развития вошли в туркменский, азербайджанский языки. Грамматический анализ языка памятников тюркской рунической письменности свидетельствует о их генетической связи не только с огузскими, но и с якутским языком [Батманов 1966, 12].

4. Жанровая неоднородность языка памятников, дифференцированность самих тюркских языков уже в эпоху енисейско-орхонских памятников и, следовательно, существование общетюркского языка-основы в эпоху, значительно удаленную от времени появления первых памятников на тюркских языках. В языке памятников древнетюркской письменности явно выражены диалектные черты, являвшиеся в одних случаях остатками сближавшихся племенных языков, а в других случаях зарождавшимися новыми тюркскими языками, получившими дальнейшее развитие.

Сопоставление фактов из современных тюркских языков с признаками древних тюркских говоров позволяет сделать вывод, что характерные особенности, отличающие современные тюркские языки (или их группы) друг от друга, начали формироваться в период, непосредственно предшествующий возникновению памятников орхон-енисейской письменности (V–VIII вв.) или даже раньше (ср. в енисейских памятниках зарегистрированные колебания в оформлении дат.-напр. падежа – сосуществование показателей *-a* и *-ga*) [Батманов 1964]. Поэтому при анализе синтаксической структуры языка памятников не следует забывать об их жанровой неоднородности: если памятники "Мухаббат-наме" Хорезми, "Тулистан-бит-тюрки" Сейфи Сарай и "Юсуф и Зудейха" Дурбека отражают литературный кыпчакский язык мамелюкского Египта, то в таких старокыпчакских памятниках того же периода, как "Китаб ал-идрак ли-лисан ал-ат-рак" Абу Хайяна, "Китаб ат тухфат уз-закйя филдугар-ат-туркйя" анонимного автора XIV в., нашли известное отражение старокыпчакские разговорные языки.

5. Отсутствие четко выработанных методов и приемов исследования сравнительно-исторического синтаксиса. Большинство тюркологических работ свойственна большая осторожность в применении сравнительно-исторического метода. Что же касается синтаксиса, то в тюркологии, к сожалению, даже не предпринимались попытки его построения в сравнительно-историческом плане. Даже в очень содержательном труде К. Грёнбека "Der türkische Sprachbau" мы не найдем никаких реконструкций синтаксических единиц. В ценных трудах О. Бётлингка, Н.И. Ашмарина, Н.Ф. Катанова преобладает метод сопоставления. Задачи сравнительно-исторического синтаксиса в свое время пытался сформулировать Е.Д. Поливанов. По его мнению, возможны заключения относительно праязыковых синтаксических явлений на основании сравнения синтаксисов родственных языков; сравнительная морфология изучает историю морфологий родственных языков, а сравнительный синтаксис – историю их синтаксисов. Е.Д. Поливанов выдвигает понятие "синтаксическая историология" – общее учение о действительных для всех языков принципах и причинах синтаксической эволюции. К сожалению, задачи сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков не были осуществлены на конкретном материале, идеи автора не были развиты [1928, 30, 47].

Метод сопоставлений, широко применяемый в последние годы в работах по тюркскому синтаксису, оставляет в стороне проблемы историко-генетического порядка, вопрос об общей основе тюркского синтаксиса.

6. Неоднозначное понимание таких синтаксических категорий, как словосочетание и предложение.

Рассмотрение словосочетания на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением принадлежит русской тюркологической школе. Довольно четкое разграничение этих двух полноправных синтаксических единиц дано в работах Н.К. Дмитриева. Всякое синтаксическое сочетание, части которого осознаются в отношении друг к другу как подлежащее и сказуемое, является предложением. И обратно: всякое синтаксическое сочетание, части которого не осознаются нами как внутренне связанные подлежащее и сказуемое, будет не предложением, а словосочетанием [1961, 43]. Н.К. Дмитриев справедливо отмечает, что словосочетание не является формой для выражения какой-либо активности или какой-то динамики: это форма для выражения синтаксических отношений между словами-предметами. Словосочетание может выражать действие с объектом и обстоятельствами, если это действие взято в чисто статическом плане и не имеет своего субъекта [Там же, 43, 69].

Разграничение словосочетания и предложения последовательно проводится в работах Н.А. Баскакова, выдвигающего в качестве существенного признака предложения выражение им суждения [1961, 50]. М.З. Закрев, строго дифференцируя словосочетания и предложения, подчеркивает, что предложение как основная единица речи является основным коммуникативным средством языка; вне предложения словосочетания не участвуют в процессе общения, их выделяют из предложения для того, чтобы изучить строение предложения [1963, 105]. Словосочетания как самостоятельные синтаксические единицы детально описаны на материале конкретных тюркских языков — азербайджанского, казахского, узбекского, якутского и др.

Вместе с тем существует и точка зрения, согласно которой словосочетания понимаются довольно широко. Так, например, Е.И. Убрятова отмечает, что сочетания слов в тюркских языках играют совсем другую роль, чем номинативные сочетания в русском языке; сочетания слов (членов предложения) в этих языках противопоставлены предложению (предикативному сочетанию) не так, как в русском языке, где словосочетание — только строительный материал для предложения [1976, 33]. Примерно такая же точка зрения была свойственна всем представителям старой классической тюркологической школы, которые в основу учения о синтаксической структуре тюркских языков положили теорию исторического развития групп слов (иначе — словосочетаний). Так, например, К. Грёнбек подчеркивает отсутствие резкой границы между именной и предикативной группами, особенно в раннем периоде. Два рядом стоящих имени образуют одно понятие, и иногда трудно сказать, имеем ли мы имя с определением или предложением [Grönbech 1936, 85]. Теория групп слов, представляющих собой предложения, представлена в ранней грамматике М.А. Казембека [1839, 392—393], в работе Ж. Дени [Denu 1921, 709—722] и др.

Сравнительно-исторический анализ затрудняется тем, что четко не определены границы словосочетаний. Существует точка зрения, согласно которой

словосочетание может состоять из одного знаменательного и одного служебного слова [Дмитриев 1948, 203]. Согласно другой точке зрения, словосочетание должно состоять не менее чем из двух полнозначных знаменательных слов [Закиев 1963, 108]. Различны и принципы классификации словосочетаний. В основу классификации кладется либо синтаксическая функция члена предложения — зависимого компонента [Дмитриев 1948, 212–217, 80–91], либо способы связи слов в словосочетаниях: примыкание, управление, согласование [Убрятова 1950, 31–82]. Нам представляется, что наиболее оправдан тот критерий классификации словосочетаний, согласно которому учитывается (в первую очередь) грамматический разряд и главного формирующего члена, и зависимого компонента.

В отношении изафета как разновидности определительных словосочетаний, выделяемых в традиционной грамматике в самостоятельную синтаксическую категорию, также имеются разноречивые суждения. Одни тюркологи высказали сомнения в отношении выделения 3-го типа изафета [Боровков 1935, 169–174], другие не считают изафетными безаффиксальное сочетание двух имен [Насилов 1940, 52]. В целом ряде грамматик по тюркским языкам изафет понимается слишком широко, в него включаются обычные типы определительных словосочетаний [АГ 1959, 19].

Известные трудности для сравнительно-исторических исследований создаются и разноречивыми толкованиями структуры простого предложения, природы глагольного сказуемого. Сторонники именной структуры тюркской речи обычно отождествляют *verbum finitum* с причастиями. Так, например, Н.А. Баскаков пишет: "Глагол в туба-диалекте, как и в литературном алтайском языке и в других тюркских языках, реализуется в речи в виде особых функциональных форм: имени действия, причастия и деепричастия" [1966, 47]. Диаметралью противоположной точки зрения придерживается другая группа тюркологов, для которых решающим критерием при определении придаточных предложений является наличие сказуемого в личной форме (*verbum finitum*) и которые поэтому относят все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции к составу простого предложения.

ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Теоретические основы создания исторического синтаксиса какого-либо конкретного языка являются наиболее слабым местом общего языкознания. И это явление имеет свои причины.

В языкознании долго господствовало мнение, что исторический синтаксис есть не что иное, как история значений грамматических форм (а не история синтаксических единиц — словосочетаний и предложений). Совершенно естественно, что такого рода исследования не затрагивали принципиальных синтаксических вопросов.

Позднее это направление сменяется другим. Основной задачей исторического синтаксиса начинают считать сравнение синтаксиса данного языка с синтаксисом его исторического предшественника. Построение исторического синтаксиса какого-либо языка, располагающего памятниками, произ-

водится по формуле: "что было — что стало". По этому принципу построены грамматика староперсидского языка А. Мейе, синтаксис древнерусских грамот В.И. Борковского и т. д. Конечно, этот метод имеет полное право на существование. Но только требуется одно неизменное условие: должна быть доказана реальная историческая преемственность между современным языком и его предшественником, как, например, между древнерусским языком и современным русским, между латинским языком и современными романскими языками.

В работах по историческому синтаксису отдельных тюркских языков, выполненных в наших тюркоязычных республиках, довольно часто это основное условие не соблюдается. Создается идеализированное представление о том, что все синтаксические особенности памятников древнетюркской письменности являются наиболее архаичными. Поэтому многие исследователи истории синтаксиса казахского, узбекского, киргизского и раннетюркских языков считают своей неизменной обязанностью привести примеры из словаря Махмуда Кашгарского, орхонских памятников и т. д. Языки, на которых написаны эти памятники, априори рассматриваются как исторические предшественники любого современного тюркского языка. Эффективность такого метода довольно сомнительна, поскольку фактически остается недоказанной историческая преемственность между современным языком и языком памятника. Отсюда, конечно, не следует, что действительные архаизмы, содержащиеся в памятниках древнетюркской письменности, должны вообще игнорироваться. Однако их научная ценность определяется другими методами.

Гораздо сложнее обстоит дело, когда исследователь сталкивается с необходимостью изучения истории синтаксических единиц в рамках группы родственных языков. В этой области исследования вообще нет определенных и четких методов. Самой трудной проблемой является создание так называемого синтаксического архетипа. При наличии группы материально родственных слов из генетически родственных языков и знания звуковых соответствий создание архетипа представляется вполне возможным. Однако трудность реконструкции состоит в том, что модели словосочетаний и предложений не имеют сколько-нибудь постоянного лексического состава. Их состав является переменным.

Первая попытка найти в синтаксическом архетипе определенную опору принадлежит Б. Дельбрюку. Рассматривая историю относительного придаточного предложения в индоевропейских языках, Дельбрюк пришел к выводу, что в индоевропейском праязыке местоименная основа *de* уже могла употребляться в роли относительного местоимения, и это было единственное относительное местоимение того периода [Delbrück 1893, 405]. Дельбрюк наглядно показал, что синтаксический архетип может быть только общей типовой моделью синтаксической единицы, а не целостным архетипом. Кроме того, он установил, что сама типовая модель может иметь характеризующую ее формальную опору. Например, местоименная основа *de* фактически является формальной опорой определенного типа синтаксической единицы — относительного придаточного предложения. Отсюда следует, что синтаксический архетип может быть только моделью, но не простой моделью, а моделью, имеющей вполне определенную морфологическую опору.

Открытие Б. Дельбрюка создает основу для создания новой концепции исторического синтаксиса.

Некоторые возражения высказываются в связи с тем, что тюркские языки еще не настолько изучены, чтобы можно было говорить о создании какой-то новой концепции исторического синтаксиса тюркских языков. Но такие опасения совершенно напрасны. В настоящее время уже созданы необходимые условия для изучения синтаксиса тюркских языков.

В последние годы в тюркологии проделана очень большая работа по научно-критическому изданию памятников (см. работы С.Е. Малова, А.К. Боровкова, А.Н. Кононова, И.А. Батманова, А.А. Зайончковского, А. Габэн и др.), а также по грамматическому описанию редких тюркских языков и их диалектов (лобнорского, тофаларского, диалекта черневых татар, языка сибирских татар и др.), что является необходимой базой для воссоздания истории тюркских языков.

В продолжение лучших традиций В.В. Радлова, В. Томсена, П.М. Мелиоранского проведена значительная работа по систематическому описанию древнетюркских источников (см. работы по исследованию языка енисейских памятников древнетюркской письменности, памятника "Кулгучкаган" VIII в., дастана "Китаби деде Коркуд", памятника арабского письма "Дивану Лугат-ит-турк" Махмуда Кашгарского, памятников древних кыпчакских языков, тюркских текстов из Восточного Туркестана, памятников древнеуйгурской и староузбекской письменности, сочинения Абу-л-Гази "Родословная туркмен", лексикона "Среднеазиатского тefsира" XII—XIII вв., а также памятников конкретных тюркских языков).

Систематическое описание языка разных тюркских источников составляет довольно значительный раздел и в зарубежной исторической тюркологии.

В нашей стране проделана значительная работа по изучению диалектов различных тюркских языков.

Таким образом, накоплен довольно большой фактический материал.

В чем заключаются основные особенности предлагаемой здесь концепции исторического синтаксиса семьи родственных языков? Основным объектом исследования согласно этой концепции являются синтаксические единицы, т. е. словосочетание и предложение. Точкой отсчета при изучении истории словосочетаний и предложений является синтаксический архетип, возводимый к праязыковому состоянию. Каким путем такой исторический архетип может быть создан?

Морфологические единицы (корень, аффиксы и т. п.) допускают возможность реконструкции цельной морфологической единицы. Так, например, тадж. *nav* 'новый', англ. *new*, нем. *neu*, греч. *έως* и русск. *новый* могут быть возведены к цельному архетипу *nevos. Личные окончания глаголов 3-го лица мн. числа в таких формах, как рус. *они бер-ут*, лат. *laudant* 'они хвалят', др.-нем. *nim-ant* 'они берут', др.-инд. *bhar-anti* 'они несут' и т. д., также допускают возможность восстановить цельный архетип этого личного окончания **-nti*.

Синтаксические единицы (словосочетания и предложения), как правило, мобильны. Можно было бы поэтому ограничиться содержательной моделью выбранной для исследования синтаксической единицы, например: "прилагательное + существительное", "причастие + существительное" и

т. д. Но такой прием не принес бы никакой пользы. Теоретическая (содержательная) модель словосочетания "прилагательное + существительное" допускает необычайно разнообразное наполнение. Исторический синтаксис конкретного языка можно было бы построить по типу исторически последовательной смены моделей словосочетаний и предложений. Но такой синтаксис был бы чрезвычайно неконкретен и безлик. Во-первых, трудно было бы определить, к какому конкретному языку данная модель относится, поскольку у нее нет никаких конкретных языковых характеристик. Формула словосочетания "прилагательное + существительное" приложима ко многим десяткам различных языков. Если мы скажем, что аналогом русского дополнительного предложения, вводимого союзом *что*, является отричающее имя в вин. падеже, выступающее в роли объекта глагола главного предложения, то эта формула в одинаковой мере применима не только к тюркским, но также к монгольским, тунгусо-маньчжурским и даже некоторым восточным финно-угорским языкам.

Все это лишний раз свидетельствует, что абстрактные модели словосочетаний и предложений не могут быть синтаксическими архетипами. Отсюда напрашивается только один вывод — семантическое содержание архетипа должно иметь определенную морфологическую опору. Выделение морфологической опоры имеет двоякое значение. Прежде всего она обеспечивает определенную паспортизацию выбранной синтаксической конструкции. В словосочетании типа тур. *güçlü at* 'сильная лошадь' морфологическая опора — аффикс прилагательного *-lü (<ly)* — свидетельствует о том, что данное словосочетание характерно именно для тюркских языков, а не для каких-либо других. Кроме того, историку языка необходимо выявить историческое развитие, изменение выбранной синтаксической единицы. Такое изменение можно установить только прослеживая историю самой морфологической опоры. Каким-либо другим путем это историческое изменение установить нельзя. Тем самым исторический синтаксис теснейшим образом связывается с исторической морфологией. Без исторической морфологии не может быть исторического синтаксиса группы родственных языков. Все это свидетельствует о том, что реконструкция синтаксических единиц также возможна. Сущность этой реконструкции сводится к определению наиболее древнего типа выбранной синтаксической единицы и установлению ее морфологической опоры.

ПРИЕМЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

При синтаксической реконструкции используются следующие приемы.

Прежде всего определяется семантический тип отобранной для исследования синтаксической конструкции, которая может быть словосочетанием, простым или сложным предложением или каким-нибудь типом сложного предложения. Он обычно определяется на основании учета семантики входящих в него частей речи, например: "прилагательное + существительное", "причастие + существительное", "местоимение + существительное", "имя в вин. падеже + глагольная форма", "имя в дат. падеже + глагольная форма", простое именное предложение со связкой, зависимая трансформация с определенным формирующим членом, придаточное предложение, вводимое каким-либо союзом, и т. д. Определение семантического типа представ-

ялет только первый подготовительный этап и само по себе не выявляет никакой истории. Кроме того, во многих языках семантические типы могут совпадать.

Следующим этапом является определение конкретной структурной модели выбранного семантического типа с учетом характера так называемой морфологической опоры этой модели, ср., например, в тюркских языках: относительное прилагательное с афф. *-лы/-ли* + существительное: тур. *güçlü adam*; тат. *көчле кеше* 'сильный человек';

причастие с афф. *-ган* + существительное: тат. *кылган кеше* 'приехавший человек', каз. *қайтқан шал* 'вернувшийся старик';

имя в дат. падеже на *-а* + глагольная форма: аз. *анасына кендәрди* 'он послал своей матери', тур. *arkadaşıma verdi* 'он дал моему товарищу';

наречие с афф. *-ча* + глагольная форма: аз. *русча данышыр* 'он говорит по-русски', тур. *türkçe söylüyor* 'он говорит по-турецки';

глагольное предложение со сказуемым, выраженное прош. временем на *-ды*: ккалп. *мен бүгүн базарда орақ сатып алдым* 'я сегодня купил на базаре серп' [ККРСл. 1958, 850], тур. *yangın çıktı* 'возник пожар'.

При изучении таких синтаксических единиц, как сложное предложение союзного типа, следует учитывать морфологические особенности связующих средств. Ср., например, происхождение союзов *ки*, *чунки*, которые вводят придаточные предложения.

Однако определение конкретной структурной модели, характеризующейся конкретной морфологической опорой, также пока ничего не говорит нам об истории выбранной синтаксической единицы. При изучении ее истории необходимо выявить синтаксический архетип и отношение выбранной нами модели к синтаксическому архетипу. Выбранная модель или сама может быть архетипом, или может быть результатом исторического изменения предшествующего ей архетипа.

Прежде всего необходимо выявить территориальную распространенность выбранной модели, которая может быть тотальной, охватывающей все родственные языки, или частичной, охватывающей только отдельную группу языков. Могут быть случаи, когда конкретная модель синтаксического построения встречается только в одном или двух языках.

Очень большая степень распространенности модели может служить показателем ее существования в плоскости праязыка. Необычайно высокая степень распространенности таких явлений, как деепричастие на *-ып*, наст.-буд. время на *-ар*, *-ыр*, дает основание предполагать, что эти явления уже существовали в тюркском праязыке. Вместе с тем тотальная распространенность модели не всегда является наиболее веским доказательством наличия данной модели в праязыковом состоянии. Так, например, глагольные словосочетания с именем в исх. падеже на *-дан* имеют очень большое распространение в современных тюркских языках, но их нельзя отнести к пратюркской общности, поскольку в глубокой древности исх. падежа на *-дан* не было. В современных тюркских языках значительно распространен 3-й тип изафета, который нельзя отнести к раннему общетюркскому состоянию, поскольку его возникновение, связанное с развитием род. падежа, относится к более позднему периоду пратюркской общности.

Из сказанного следует, что исследование истории того или иного формата, представляющего морфологическую опору выбранной нами син-

таксической конструкции, является определяющим при исследовании истории этой синтаксической единицы, поскольку ее семантический тип сам по себе не позволяет воссоздать какое-либо историческое движение.

Территориальная ограниченность распространения модели чаще всего служит показателем того, что модель возникла позднее, в ограниченной зоне. В эпоху существования праязыка ее не было. Глагольное предложение со сказуемым, выраженным буд. временем на *-ачак*, зонально ограничено. И действительно, такое предложение возникло позднее. Афф. *-ачак* существовал в период пратюркской общности и обозначал склонность к чему-либо или возможность что-либо сделать. Позднее в некоторых тюркских языках развилось значение буд. времени. Таким образом, в данном случае зональная ограниченность буд. времени на *-ачак* свидетельствует о том, что в тюркском праязыке этой формы не было.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Синтаксический архетип устанавливается в результате изучения множества однотипных морфологических моделей. Одиночная модель, зафиксированная только в одном языке, в данном случае не является показательной. Предположим, мы нашли в татарском языке словосочетание *айлы тен* 'лунная ночь'. Морфологической опорой этого словосочетания будет афф. *-лы*. Для установления архетипа необходимо поискать наличие того же аффикса прилагательных в других тюркских языках. И действительно, прилагательные с афф. *-лы*, образующие подобные словосочетания, обнаружены и в других тюркских языках, ср. узб. *кучли от* 'сильная лошадь', каз. *тасты жер* (<*ташлы жер*) 'каменистая земля' и т. д. Однако архетип словосочетания "прилагательное с афф. *-лы* + имя существительное" устанавливать пока преждевременно. Есть тюркские языки, сохранившие более древнюю форму этого аффикса — *-лыг*, ср. тув. *даглыг* 'гористый', *харлыг* 'снежный', хак. *чиллиг* 'ветренный', тоф *маллыг* 'имеющий скот', *куштуг* 'сильный' и т. д. Следовательно, архетип словосочетания будет выглядеть иначе: "прилагательное + афф. *-лыг* + имя существительное".

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

В нашей тюркологической литературе широко распространено мнение, что все языковые явления, встречающиеся в памятниках древнетюркской письменности, являются наиболее архаичными. Такими кладями архаизмов считаются словарь Махмуда Кашгарского, Орхонские надписи и т. п. Однако мнение это неправильное. Тюркские языки, на которых написаны памятники древнетюркской письменности, отнюдь не отражают праязыкового состояния в его неизменном и чистом виде. Поскольку языки изменяются неравномерно, то и в памятниках письменности могут содержаться наряду с архаизмами также и неологизмы.

У Махмуда Кашгарского есть форма прош. времени на *-дык*, например: *ол кәлдүк* 'он пришел', *биз кәлдүк* 'мы пришли' (МК II, 61) и т. д. Некоторые тюркологи считают, что она хронологически предшествует форме прош. времени на *-ды*. Мы считаем, что, скорее всего, эти формы — частные слу-

чай превращения в *verbum finitum* причастия на *-дык*, распространенного в тюркских языках огузской группы. Отсутствие прош. времени на *-дык* во всех других тюркских языках подтверждает наше предположение.

В современном турецком языке нет причастия прош. времени на *-ган*. Не было его и в енисейско-орхонских памятниках. Однако отсюда не следует, что в турецком языке этой формы вообще не было. Такие реликты, как совр. тур. *çalışkan* 'работающий' от *çalış-* 'работать', аз. *гудурган* 'бешеный', от *гудур-* 'взбеситься', *jarған* 'овраг' от *jar-* 'рассекать', тур. *kurgan* 'крепость' от *kur-* 'строить' и т. д., свидетельствуют о том, что причастие на *-ган* некогда существовало и в турецком языке, а затем оно было вытеснено причастиями на *-ан*, *-дык*, а позднее — причастием на *-мыш*.

Особую осторожность следует соблюдать при пользовании письменными памятниками, написанными на некоторых распространенных в средние века литературных тюркских языках типа чагатайского, тюрки и т. д. Так, например, в сборнике "Древняя татарская литература" (1963) приводится отрывок из произведения "Иосиф и Зулейка", причисляемого авторами данного сборника к памятникам старой татарской литературы. В этом памятнике довольно часто употребляется прош. время на *-мыш*: *Ул кою Ашнудан калмыш иде. Аны Ашну-Гад кяфер казмыш иде* 'Этот колодез остался от Ашну. Его выкопал неверный по имени Ашну-Гад' (БТЭ, 101). На самом же деле язык приведенного в сборнике памятника не имеет прямой преемственности с современным татарским языком и относится к числу современных памятников. На этом основании вряд ли можно сделать вывод, что в старом татарском языке существовало прош. время на *-мыш*. Данные современных диалектов татарского и других кыпчакских языков подтверждают это предположение. В языке памятника чувствуется влияние языка тюрки, избыточное османскими формами.

Но вместе с тем данные памятников могут быть очень полезны. Так, мы предполагаем, что абсолютные обороты со своим подлежащим восходят к самостоятельным простым предложениям. Образование абсолютных оборотов происходило в процессе соединения двух предложений. Материалы памятников древнетюркской письменности содержат немало случаев так называемой бессоюзной связи двух зависимых предложений, а также типы технически несовершенных преобразований первоначально самостоятельных предложений.

Древние письменные памятники на чагатайском языке дают возможность установить полную парадигму глагола-связки наст. времени *e-ler-*, чего, например, нельзя сделать на материале живых тюркских языков. Ср. чаг. *erür men, erür sen, erür, erür biz, erür siz, erürlär*.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВ

Определенные типологические особенности могут быть усвоены от праязыка. Если углубление в историю тюркских языков не дает никаких свидетельств о том, что в древности морфологический тип был иным, то эти особенности можно приписать тюркскому праязыку, который, очевидно, был языком агглютинативного типа. Языкам этого типа присущи следующие специфические черты.

1. Твердый закон порядка слов "определение + определяемое" проявляется в структуре всех синтаксических категорий. Любое словосочетание в тюркских языках строится по принципу "зависимый член + главный член", а в широком смысле это фактически "определение + определяемое" (ср. аз. *яхшы гыз* 'хорошая девушка' и *яхшы языр* '(она) хорошо пишет').

2. Способность имен существительных выступать в роли определения при отсутствии согласования с определяемым явилась почвой для развития в тюркских языках особого типа словосочетаний – изафета. В конструкциях, относимых к 1-му типу изафета, синтаксические отношения в которых основаны только на простом примыкании, развиваются адъективизированные сочетания слов: ср. тур. *demir kapı* 'железные ворота', каз. *ай жарық* 'лунное освещение', кирг. *дын жерлер* 'целинные земли'. Процесс адъективизации в подобного рода сочетаниях слов (ср. аз. *гранит бир куула кими* 'как гранитный массив') сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя соотносительности предметов – субстантивов. Случаи предпочтения 1-го типа изафета 2 и 3-му типам, значительная его развитость в таких языках, как кумыкский, чувашский, а также сам простейший способ выражения синтаксических отношений, на котором он основан, – примыкание – свидетельствуют о его древности и возможном отнесении к тюркской праязыковой общности. На значительную его архаичность указывают сохранившиеся тесно спаянные комплексы слов, построенные по 1-му типу изафета, но осознающиеся уже как сложные слова. Роль изафета здесь чисто вспомогательная, приближающаяся к способу аналитического словообразования (ср. башк. *куян арба* 'тарайка', кбалк. *алма терек* 'яблоня').

На базе отношений "существительное + существительное" (т.е. "определение + определяемое") развивались в тюркских языках притяжательные аффиксы, синтаксические конструкции по 2-му типу изафета (ср. тур. *kebar kokuları* 'запахи шапшлыка – шапшльчые запахи'). Тотальная распространенность во всех тюркских языках указывает на значительную архаичность 2-го типа изафета, развившегося на базе значения принадлежности. Об этом свидетельствует материал якутского языка (изафет 2-го типа выражает отношение определяемого к определению по признаку принадлежности *киһи ата* 'лошадь человека'). Развитие значения родовой категориальности, естественно связанной с понятием неопределенности, происходит параллельно со становлением самой категории определенности-неопределенности, существующей в тюркских языках неизначально. Развитие 3-го типа изафета, соотносимого с более поздним периодом тюркской праязыковой общности, связано с развитием категории определенности.

3. Действием закона порядка слов "определение + определяемое" объясняется типичная для агглютинативных языков препозиция род, падежа, имеющего в ряде тюркских языков артиклевые функции (ср. каз. *колхоздың жері* 'земля колхоза'). Развитие 3-го типа изафета приводило к некоторому разрушению первоначально тесно спаянных именных атрибутивных комплексов (ср. широкие возможности раздвижения у 3-го типа изафета). Последнее создавало условия в тюркских языках для развития развернутых конструкций.

4. Конечная позиция глагола в тюркских языках и вытекающая отсюда препозиция дополнения, включающая развернутые конструкции, продикто-

ваны тем же законом порядка слов "определение + определяемое". Появление объектных конструкций с вин. падежом — явление, очевидно, более позднее. Преобладание именного строя предложения, замена личных глагольных форм отглагольными именами при господстве способа примыкания обеспечивали на ранних этапах развития агглютинативных языков структуру тесно спаянных комплексов "объект + отглагольное имя". Появление объектных конструкций с вин. падежом тесно связано с расчленением спаянного словосочетания, с историческим развитием категории определенности-неопределенности.

5. Закон порядка слов с сопутствующей ему постоянно действующей тенденцией расширять границы определения и строить все сложное по модели простого определил и развитие структуры предложения. Сказуемое, как неспособное выступить в роли определения, оттесняется к концу и вместе с тем может выступать в роли своеобразного определяемого. Отсюда два центра определений и определяемых: подлежащий и сказуемый.

6. Закон порядка слов распространяется на оба центра. Всякая зависимая мысль рассматривается как развернутое определение, если она содержит элементы определения. Одним из характерных для строя тюркских языков путей развития сложноподчиненных предложений было их развитие не изнутри, а путем сложения двух ранее самостоятельных предложений, которые под давлением своей системы стремились превратиться в одно. Внутренним же путем в недрах простого предложения могли развиваться лишь причастные, деепричастные и глагольно-именные словосочетания, имеющие общий с главной определяемой частью предложения субъект действия в виде одного грамматически выраженного подлежащего.

7. Для агглютинативного строя характерен такой аффиксальный тонус языка, который исключает возможность образования префиксов. Стандартная организация морфологической структуры слова является основой для постоянно действующего закона "определение + определяемое" (ср. тур. *evin içinde* 'в доме', букв. 'дома во внутренней части его'). Это образование, в котором второй член выражает относительное отношение, является зародышем конструкции "определение + определяемое".

Расположение аффиксов в структуре слова также основано на законе "определение + определяемое". Порядок размещения слов и словообразовательных аффиксов идет в плане коллокации (составления), причем фактор нарастания абстрактности распространяется и на словообразовательные элементы и на сложение слов. Закон "определение + определяемое" поддерживается правилом "конкретное + общее" (ср. тур. *demircilik* 'кузнечное дело', где афф. *-ci* конкретнее афф. *-lik*). В словосочетании *яхшы гыз* 'хорошая девушка' слово *яхшы* является частной характеристикой к определяемому как к более общему понятию. Место глагола в тюркском предложении не противоречит порядку расположения аффиксов в слове. Глагол выражает более широкое понятие. Таким образом, для строя тюркских языков характерен последовательно выдержанный изоморфизм. Синтаксическая структура тюркских языков, объяснимая из особенностей морфологической структуры слова, сама поддерживает устойчивость агглютинативного строя (ср. развитие притяжательных аффиксов

на почве действующего закона "определение + определяемое", возникновение изафета, воспроизводство придеп и др.).

Однако при реконструкции также возможно использование типологических особенностей неродственных языков. Достаточно хорошо известно, что уральские языки не родственны тюркским языкам. Между тем древний синтаксис уральских языков был синтаксисом тюркского (татарского) типа. Родство тюркских и монгольских языков нельзя считать окончательно доказанным, однако синтаксис этих языков имеет много общих черт. Некоторые русские типы придаточных предложений в тюркских языках не встречаются. Это прежде всего относится к определительным придаточным предложениям типа *Комната, в которую я вошел, была очень тесная*. Не типичны для тюркских языков дополнительные придаточные предложения (типа *Я знаю, что у тебя нет денег*), придаточные обстоятельства времени (*Когда настала осень, в школах начались занятия*).

Те же самые особенности обнаруживаются иногда и в других языках. Определительные придаточные предложения не типичны для ненецкого языка. Русскому определительному придаточному предложению типа: *Где русский, который хорошо знает ненецкий язык?* в ненецком языке соответствует: *Ненэця вадам савана теневаца русскоя ханяна мэ?* (букв. 'Ненецкий язык по-хорошему знающий русский где находится?') [Алмазова 1961, 210]. Эта же особенность типична для бурятского языка, например: *Манай тайшаа тухай дуу гаргаагша хун энэл даа* 'Вот этот тот самый человек, который сочиняет песни о нашем тайше' [ГБЯ 1962, 275] (букв. 'О нашем тайше песни сочиняющий вот этот человек'). Нетипичными для некоторых языков являются дополнительные придаточные предложения. Ср. нен. *Ханяд товामी нив хэцагу* 'Я не скажу, откуда я приехал' (букв. 'Откуда приезд мой, я не скажу') [Алмазова 1961, 210], бур.-монг. *Минии маргааша Москва орохые ши хэнгээ дуулаабиши* 'Ты от кого слышал, что я завтра еду в Москву?' (букв. 'Меня завтра в Москву собирающееся ехать ты от кого слышал') [Санжеев 1941, 1976].

Во многих языках нет русских придаточных предложений, обозначающих место совершения действия; ср. манс. *Ам Туня олум станциян яцк патнэ этнос порат ёхталасум* 'На станцию, где жила Дуня, я приехал в мае месяце' [Баландин 1960, 116] (букв. 'Дуня жившая на станцию я приехал во время пльвущего льда'); нен. *Пароход ну махана нэнэць цокась* 'В том месте, где стоял пароход, ненцев было много' [Алмазова 1961, 210] (букв. 'На месте стояния парохода ненцев было много'); ханг. *А'уэ нөх куригтал'и ерт ергыс* 'Когда он проснулся, шел дождь' [Русская 1961, 211] (букв. 'В его проснувшемся шел дождь'); монг. *Ой модны замаар явж байхад чоно угтаж ирлээ* 'Когда (он) шел по лесной дороге, ему встретился волк' [Тодаева 1951, 67] (букв. 'Он по лесной дороге идя, встретился волк').

В данном случае важно уяснить, что отдельные особенности синтаксиса неродственных языков, сходные с особенностями синтаксиса тюркских языков, являются атрибутами определенного синтаксического типа. В рамках этого типа они связаны так называемой имплицативной связью — "одно предполагает другое".

СОВОКУПНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ДАННЫХ

В процессе изучения морфологических опор различных синтаксических единиц могут встретиться случаи, когда бывает необходимо исследовать целый комплекс различных данных. Во всех современных тюркских языках наблюдается отсутствие форм наст. времени глагола-связки "быть". Некоторые скудные реликты типа отрицания *емес* 'не есть', встречающиеся в отдельных тюркских языках, как будто бы свидетельствуют о том, что формы наст. времени глагола связки "быть" существовали. Форма *емес* может быть разложима на составные части: *-ә* — основа глагола "быть" и *-мас* — форма отрицания 3-го л. ед. числа. Вместе с тем сохранились некоторые древние тюркские письменные памятники, в которых представлена полная парадигма форм наст. времени глагола-связки "быть".

В тюркских языках встречаются придаточные предложения европейского типа, вводимые союзами. Ср. тат. *Дәнъяда күп кешеләр бар ки, уткан ва гакыллы кешеләрдән куркып, үз пираләрендә кубрак ахмакларны иорталәр* 'Есть на свете много людей, которые, боясь умных и пронизательных людей, окружают себя дураками' [Закиев 1963, 311].

Понять, как образовалось в данном случае придаточное предложение, вводимое союзом *ки*, можно только в результате изучения роли усиительной частицы *ки*, на базе которой позднее развился союз *ки*.

РЕКОНСТРУКЦИЯ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ НЕКОТОРЫХ НЕОБХОДИМЫХ ДАННЫХ

В практике синтаксической реконструкции могут быть такие случаи, когда необходимые для реконструкции данные отсутствуют. Так, например, определительные словосочетания типа "количественное числительное + имя существительное" в тюркских языках не имеют морфологической опоры. Ср. тат. *биш ат*, тур. *beş at* и др. 'пять лошадей' или тат. *алты көн*, тур. *altı gün*, чув. *уатта кун* 'шесть дней' и т.д. Однако у нас нет никаких сомнений в том, что эти словосочетания уже существовали в эпоху пратюркской общности. На это указывает всеобщая распространенность числительных и возможность установления их общетюркских архетипов. То же самое можно сказать и о словосочетаниях типа "указательное местоимение + существительное", ср. аз. *бу адам*, тат. *бу кеше*, тур. *bu adam* 'этот человек'. Здесь также нет морфологической опоры, однако местоимение *бу* прослеживается во всех тюркских языках. Такова и реконструкция словосочетаний, состоящих из наречия и глагольной формы. Наречие в тюркских языках не имеет сколько-нибудь единообразных морфологических показателей. Восстановить какой-то единый тип наречия периода пратюркской общности оказывается невозможным. Тем не менее у нас нет никаких сомнений в том, что словосочетания этого типа существовали в тюркском языке, так как трудно представить существование формы *verbum finitum* без наличия наречных определителей.

В тюркских языках существуют безафиксальные прилагательные типа *ак* 'белый', образующие определительные словосочетания типа *ак ат* 'белая лошадь', и т.д. Морфологической опоры у таких словосочетаний нет,

но возведение их к эпохе пратюркской общности вполне вероятно. Отнесению их к праязыковому состоянию способствует широкое распространение в тюркских языках корня *ak* 'белый', а также существование самого типа словосочетания.

СЛУЧАИ. КОГДА РЕКОНСТРУКЦИЯ ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕВОЗМОЖНОЙ ИЛИ ОГРАНИЧЕННОЙ

Могут быть случаи, когда сравниваемые объекты настолько неодинаково оформлены, что реконструкция исходного типа является совершенно невозможной. Так, например, невозможно реконструировать в плоскость пратюркского языка общую схему перфекта, поскольку в разных тюркских языках обнаруживаются различные показатели перфекта. Так же невозможно реконструировать в плоскость тюркского праязыка единую парадигму опатива. Опативов в праязыке было, по-видимому, несколько. Каждый из них имел свой показатель.

В каждом языке наречия представляют наиболее неоднородную и вместе с тем наиболее подвижную и изменчивую часть речи. В разряд наречия часто попадают формы слов, вышедших из системы падежей, парные слова, формы прилагательных, собирательные числительные, деепричастия, слова, изолированные в лексическом и морфологическом отношениях. Устаивать какое-либо древнее состояние тех или иных единиц этой части речи и определить пути их исторического изменения не представляется возможным.

ГЛАВА I

СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Предметом синтаксиса как отдела грамматики является изучение способов соединения слов в словосочетания и предложения – изучение типов словосочетаний и типов предложений.

Наиболее четкое и правильное определение словосочетания дано в академической грамматике русского языка: "Словосочетаниями обычно называются грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия или представления" [ГРЯ 1960, 6].

Словосочетания – неотъемлемый строительный материал для предложения, вместе с тем они качественно отличаются от последних. Не входя в систему коммуникативных средств языка, словосочетания лишены предикативности. Словосочетание не терпит стечения двух неотъемлемых концентров предложения – субъекта и предиката. Усложнение словосочетания, его разворачивание возможны лишь в условиях исключенного субъекта и предиката. Совмещение двух концентров дает предложение. Любое словосочетание строится по принципу "зависимый + главный член", а в широком смысле это фактически "определение + определяемое".

Между предикативным словосочетанием и словосочетанием непредикативным ("определение + определяемое") наблюдается определенный изосемантизм. Ср. каз. *kelgen kici* 'приехавший человек' и *kici kelgen* 'человек приехал'. Изосемантизм в данном случае состоит в том, что и в первом и во втором примере раскрывается признак. Однако в предикативном словосочетании этот признак осложнен наличием значительного числа дополнительных характеристик (лицо, число, признак). Таким образом, структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его формирующим стержнем. Конструктивные свойства словосочетания определяются грамматическим и лексическим содержанием прежде всего стержневого главного члена и характером его синтаксических отношений с зависимыми членами.

Всякое общение обычно состоит в раскрытии признаков предметов и действий. Словосочетание – это как бы клеточка в потоке речи, всегда состоящая из двух частей. Одна часть раскрывает признак другой части, уточняет, дополняет ее содержание. Таким образом, в пределах структурной единицы словосочетания заключено выражение различных характеристик предметов и действий.

Грамматические отношения между членами такой синтаксической единицы, лишенной предикативности, оформляются по существующим

в тюркских языках типам синтаксических отношений: примыкание, согласование, управление.

Словосочетания могут быть в известной степени распространены. Распространение может идти в нескольких направлениях и характеризоваться с различных сторон. Оно может осуществляться за счет однородных качественных или относительных определений. Ср. аз. *хундур, көзал, биналар, кениш, тэмиз, кучалар, бойук баелар өз майданлар адамы нейран эдир* (Ибрагимов 1958, 8) 'Высокие красивые здания, широкие, чистые улицы, большие сады и площади удивляют (поражают) человека'; банк. *Кук йезен хоро, күңелер белоттар каплаган* (Эмири, 9) 'Небо закрыли серые, невеселые облака'. Чаше мы встречаемся со случаями, когда определяемое распространяется разнородными определениями, характеризующими предмет с различных точек зрения. Сами формулы образования таких словосочетаний многообразны: "числительное + имя прилагательное + имя существительное"; "имя прилагательное + имя прилагательное + имя существительное"; "местоимение + числительное + имя существительное"; "имя существительное + имя прилагательное + имя существительное"; "причастие + имя прилагательное + имя существительное" и т.д.

Слово любого грамматического разряда по закону тюркского строя речи ("определение + определяемое") может образовывать словосочетания. В потоке речи единицы словосочетаний могут как бы нанизываться одна на другую, образуя непрерывную цепь. Однако и в едином потоке речи различимы два центра, выделены цепные словосочетания вокруг имени (атрибутивные) и вокруг предиката (объективные, обстоятельственные). При анализе распространенных словосочетаний как объекта сравнительно-исторической грамматики естественно возникает вопрос — до каких границ и при каких условиях в тюркских языках возможно распространение словосочетаний, а тем самым сохранение их как самостоятельной синтаксической единицы?

Степень естественности самостоятельного употребления отрезков речи является показателем предложения или словосочетания. Атрибутивное словосочетание распадается при появлении предиката. Оно свободно допускает распространение основного формирующего члена прилагательным, например: каз. *Автономиялы советтик социалистик республика* 'Автономная советская социалистическая республика' [РКСл. 16]. Если именное атрибутивное словосочетание распространяется обстоятельственной характеристикой, то последняя при обязательном условии своей атрибутивизации нуждается в формальном показателе -ки. Ср. аз. *Хазарин кенуб сабил-лариндаки яшил уча даглар* (Ибрагимов 1958, 24) 'Зеленые высокие горы, находящиеся на южных берегах Каспия'.

Обстоятельная характеристика больше тяготеет к концентру сказуемого, в результате чего возникает двойная связь, искусственно разрушающая атрибутивное словосочетание; в нем явно наблюдается недостающая связь с глаголом. Ср. алт. *Кырда кызыл көстү балдар ...* [Баскаков 1965, 24] 'На горе красноглазые ребята ...'; каз. *Ортасында үлкен кара пеща ...* (Сейфуллин, 28) 'Посредине огромная черная пещера...'. Вышеприведенные конструкции уже невозможны без предиката-глагола либо слова, в той или иной мере его заменяющего, ведущего к разрушению данного словосочетания. Ср. *Кырда кызыл көстү балдар ойноп дьоры*

На горе красноглазые ребята играют или *Ортасында улкен кара пеші бар* 'Посередине огромная черная печь есть'; кбалк. *Бир эйде бир аламан бир кыарылу кыатын (келин) болганды* 'В одном селе была одна замечательная и (в то же время) очень сильная женщина (сноха)' [Филоненко 1940, 20, 30]; хак. *Пир улуге аалда ачын, чабал саагыстые Харахан тин пай кизи чуртантыр* (ХЧН, 42) 'В одном большом улусе жил жалкий и злой бай по имени Хара-хан'. Если в словосочетании формирующий член — имя — попадает в позицию предиката, то такое словосочетание уже превращается в предложение: *чох яхшыдыр* 'очень хорошо'.

Если в составе определительного словосочетания в качестве зависимого компонента имеется причастие, то последнее допускает как уже говорилось, обстоятельственные определения. Причины этого заключаются в том, что причастие потенциально содержит предикативные свойства — причастная конструкция может напоминать предложение, т.е. она содержит те же составные данные: предмет и его процессуальный признак. Конструкция *погибший на войне сын* близка к предложению *Сын погиб на войне*. Таким образом, зависимое причастие, в свою очередь, допускает обстоятельственный конкретизатор. Ср. аз. *Баракда отурмуш бутун фэйдалар зийиш ахшыды* (Меһди 1953, 71) 'Все рабочие, живущие в бараке, собрались у дверей'; тат. *Сугышта һаләк булган улын хәтерләткән Жуһангир Мөбаракшин Рязумовка аеруча якын иде* (Әпсәләмов 1953, 14) 'Напоминающий его сына, погибшего на войне, Джихангир Мубаракшин был особенно близок Рязумову'; тур. *Ta uzaklarda çakan çiklar şimşek değil, top alevleriydi* (Halikarnas, 5) 'Сверкающие совсем далеко огни были не молнией, а шарообразным пламенем' и т.д.

В общелингвистической литературе известно положение о том, что слова и сочетания слов могут претерпевать существенные изменения в своих связях и отношениях друг к другу. Это явление называется синтаксическим переразложением. Наблюдается оно при распространении стержневого члена причастиями и падежными формами имен. Чисто атрибутивные отношения сменяются иными, обычно называемыми полупредикативными, чему способствует установление двойной связи с формирующим именным членом, с одной стороны, и глаголом-связкой — с другой (ср. случаи, когда семантика словосочетания осложняется обстоятельными оттенками значений — причинным, условным, уступительным, т.е. добавочным сообщением, полупредикативностью: рус. *забылся, увлеченный волшебным смыслом* и *забылся, так как был увлечен волшебным смыслом*).

Специфика глагольных словосочетаний заключается в том, что они, выражая действие с его объектом и обстоятельствами, в потенции могут быть и предложениями: тем более что глагол содержит в себе грамматически выраженный субъект действия (ср. аз. *бел кетурун!* букв. 'лопату принесите вы!'), т.е. каждое словосочетание с формальной точки зрения — это предложение с опущенным отдельно выраженным подлежащим. А в определенных типах атрибутивных словосочетаний, как уже упоминалось, было опущено сказуемое. В этом плане существует известная симметрия — приближение к предложению по однотипным линиям. Поэтому, если считать, что глагольные словосочетания, как и именные, существуют на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением, то следует оговорить следующее: словосочетание может выражать действие

е его объектом и обстоятельствами, но это действие взято как бы в статическом плане: вместе с тем понятия статичности и динамичности очень условны. Здесь необходимо учитывать и грамматическую семантику составных компонентов распространителей — выражают они предельное или неопредельное действие, имеется перфектный признак или нет. Так, например, словосочетание типа *ахан су* 'текущая вода' ближе к предложению по степени динамичности, тогда как словосочетание *йымылымы даи* 'свалившийся камень' по степени статичности приближается к словосочетаниям типа *гызыл кул* 'красная роза'. Словосочетания как определенный комплекс слов организованы по принципу: главный, формирующий член и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях, — это общий принцип и для именных и для глагольных словосочетаний. Комплексы именных и глагольных словосочетаний неодинаковы, неоднородны. Если именные словосочетания в отдельных случаях при распространении обстоятельственными членами подходят к грани предложений, то глагольные словосочетания уже по своей природе больше тяготеют к предложениям, так как глагол в своей потенции всегда предикат.

Анализируемые типы словосочетаний будут классифицированы по семантике и составляющим их частям речи (формам) с учетом ведущего члена, формирующего все словосочетание как самостоятельную в структурном отношении синтаксическую единицу.

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

ЗАВИСИМЫЙ — ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Зависимый член — количественное числительное, выступает в роли определителя предмета: аз. *беш китаб* 'пять книг', алт. *эки тун* 'две ночи', башк. *алты ат* 'шесть лошадей', тат. *бер кеше* 'один человек', узб. *ўн қиз* 'десять девушек', тур. *iki ada* 'два острова', чув. *сичче вайсар* 'семь быков', як. *ус куһу* 'три утки', каз. *бес қайың* 'пять берез' и т.д.

Анализируемый тип словосочетаний с полным основанием можно отнести к праязыковому состоянию. Этот вывод основывается на том, что все тюркские языки независимо от их лексических различий содержат одинаковую систему числительных.

Праязыковая ее схема может быть представлена в следующем виде.

Единицы первого десятка

<i>би: р>ти: р</i>	'один'	<i>алты</i>	'шесть'
<i>ики, эки</i>	'два'	<i>јә: ти</i>	'семь'
<i>уч</i>	'три'	<i>сәкиз</i>	'восемь'
<i>тө: рт</i>	'четыре'	<i>тоқыз</i>	'девять'
<i>бә: ш>бә: л</i>	'пять'	<i>оң</i>	'десять'

Название десятков

<i>јигирбә</i>	'двадцать'	<i>алты: л-</i>	'шестьдесят'
<i>отыз</i>	'тридцать'	<i>јә: ти: л-</i>	'семьдесят'
<i>қырқ</i>	'сорок'	<i>сәксән</i>	'восемьдесят'
<i>аллиғ</i>	'пятьдесят'	<i>тоқсан</i>	'девяносто'

Числительное 'сто' в тюркском языке звучало как /y:z/. Название тысячи восходит к *bin из более древнего *tin.

В ряде тюркских языков, по-видимому, уже позднее образовалась новая система обозначения десятков. Они стали образовываться по схеме "единицы первого десятка + *он*" 'десять': ср. нюр. *алт-он* 'шестьдесят', *четт-он* 'семьдесят', *сегиз-он* 'восемьдесят', *тогуз-он* 'девятью'; хак. *алт-он* 'шестьдесят', *чит-он* 'семьдесят', *сигез-он* 'восемьдесят', *тогуз-он* 'девятью'. В якутском и алтайском такая система начинается с сорока: як. *төрт-уон*, алт. *төрт-өн* 'сорок', а в тувинском — с двадцати: *тик-он* 'двадцать', *уч-он* 'тридцать', *түрт-он* 'сорок' и т.д. То же самое наблюдается в языке тофаларов и желтых уйгуров. Преобразование системы частично захватило и чувашский язык, ср. чув. *сакӑр-вун-на* 'восемьдесят' и *тӑкӑр-вун-на* 'девятью'.

Модель образования "количественное числительное + имя существительное" во всех тюркских языках характеризуется тем, что после количественных числительных существительное по общему правилу во всех тюркских языках сохраняет форму ед. числа. Ср. аз. *уч дӱфтәр* 'три тетради' (букв. 'три тетрадь'). Поскольку числительное уже дает количественную характеристику предмета, язык как бы считает излишним подчеркивать тот же момент формальным показателем множественности (т.е. аффикс *-лар* и его фонетическими вариантами). Кроме того, модель словосочетания "числительное + существительное" возникла в такую далекую эпоху, когда аффикс мн. числа *-лар* в тюркских языках еще не было.

Формальный показатель количества при имени существительном встречается в тюркских языках только в том случае, когда нужно выразить членяемое множество. Ср. тур. *üç silâhçorlar* 'три мушкетера', тув. *беш алтгар* букв. 'пять кони', *сес төвөлөр* букв. 'восемь верблюды', муң акшаалар букв. 'тысяча рублей'.

В чувашском языке, по-видимому, под влиянием марийского языка возникли две формы числительных — краткая и полная: *пӑр* 'один' (краткая форма) — *пӑрре* 'один' (полная форма) и т.д. Вторая форма употребляется при обозначении отвлеченного количества, когда количественное числительное употребляется самостоятельно. Это инновация не повлекла за собой изменения общетюркского типа "числительное + существительное".

Тип определительных словосочетаний "количественное числительное + существительное" может раздвигаться специальными пояснительными словами — нумеративами, например: аз. *Сиз ону бир парча чӑрӑкдӑн мӑн-рум эдрисиниз* (Мӑнди 1953, 24) 'Вы его лишаете куска хлеба'; кирг. *Кисел бир графин пиво заказ кылды* (Каимов, 31) 'Кисел заказал графин пива'; тат. *Бер солдат противоназ сумкасыннан бер кисек икмӑк чыгарды* (Даули 1959, 19) 'Один солдат вынул из противоназной сумки кусок хлеба'; туркм. *Баши бела ики бармак дилден гелер* 'Беда на голову валится с языка величиною в два пальца' [ФСл. 1963, 141]; узб. *Кечкурун алти танга пул олиб келиб хонтахтага куйди* (Муҳтор, 141) 'Вечером, получив шесть рублей денег, он пришел и положил (их) на стол'; чув. *Унта 150 гӑсле йывӑс ӱсет* (Уйӑн, 41) 'В ней (тайге) растет 150 пород деревьев'; енисейск. *алгун алиг кашӑг балӑмта ... бантым* 'Пояе с пятьюдесятью золотыми пряжками ... я повязал на своей поясице' [Малов 1952, 17].

Как ни многообразно лексическое наполнение формулы "числительное +

нумеративное слово + существительное", модель ее образования одна во всех тюркских языках, единым является и сам тип синтаксических отношений, основанный на примыкании без всяких формальных показателей. Это дает основание и эту модель словосочетаний, а также тип синтаксических отношений, на которых она основана, возвести в языковое состояние. Что касается конкретных нумеративов, то в современных тюркских языках они отличаются довольно большим разнообразием. Реконструировать конкретные нумеративы общетюркского языка не представляется возможным.

Встречаются случаи, когда в модели словосочетания "числительное + нумератив + существительное" средний член, выраженный словом, заключающим в себе понятие времени, меры и т.д., осложняется афф. *-лык*, *-лы* и др.

Нумератив + афф. *-лык*. Ср. кирг. *Жыпар тарт жылдык согуш мезгилинде жажалар бугун үйдөн алтурбастан колхоздун пахтачылыгында жезенети болуп иштеди* (Жунусов 1957, 7) 'Жыпар в течение четырех лет войны не притаился в доме птенчиком, а работала в колхозе звеньевой хлопкоробов'; тат. *Марьям өч ашылек кызы белән бергә балак булды* (Еники, 4) 'Марьям потибила вместе с трехлетней дочерью; туркм. *Бир гунлук сиз душсан, он гунлук харжыны гәтер* 'Если отправляешься в путь на день, запас бери на десять дней' [ФСЛ 1963, 145]; узб. *Уни қилқокда янги очилган етти йиллик мактабга бериб ўқитдилар* (Шарипов, 17) 'Его обучили, отдав в новую открывшуюся в деревне семилетнюю школу. Отличие этой модели от вышеразобранной заключается в том, что от нумератива при помощи афф. *-лык* образовано прилагательное со значением "рассчитанный на определенное время".

Нумератив + афф. *-лыг*. Эта модель встречается главным образом в памятниках древнетюркской письменности, ср. енисейск.: *Tört adak (lyg) jylakym säkiz adaklyg барылым буным jök ärdim* 'У меня был четвероногий скот, у меня был восьминогий скот' [Малов 1952, 26, 27]; Галателная книжка: *Utri äki айгу кизи озгун соқитүз* 'Он встретил двухмесячного сына человеческого' [Малов 1951, 80, 85]. Встречается эта модель также в тувинском. Здесь при помощи аффикса относительных прилагательных *-лыг* от нумератива образовано относительное прилагательное со значением "обладающий чем-либо", например: *säkiz adaklyg* 'имеющий восемь ног', *äki айгу* 'имеющий (возраст) два месяца' и т.д. Модель может быть возведена в языковую плоскость.

Нумератив + афф. *-лы*. Ср. каз. *төрт-бес үйілауыл* (Сейфуллин, 107) 'аул из 4-5 домов'; ног. *3 вагон таьтлы сув йибергенлер* (Ленин йолы) 'Прислали 3 вагона пресной воды'; чув. *тăватă арийнла вĕрен* четырехаршинная веревка'. Здесь также при помощи афф. *-лы* образовано относительное прилагательное со значением "обладающий чем-либо", например: каз. *бес үйлі* 'имеющий пять домов'. Модель не может быть отнесена к языковой плоскости. Афф. *-лы* исторически возник из *-лык* и имеет известные зональные ограничения, что указывает на его относительно позднее происхождение.

Второй член модели "числительное + нумератив + существительное" может присоединять и другие аффиксы именного словообразования. Из-за разнообразия этих способов трудно отнести конкретную модель к язы-

ковой плоскости. К праязыку можно отнести только общую формулу образования. Ср. аз. *Йуз милләртә зәһмәткеш инсанлар исә* (Ибраһимов 1958, 107) 'А сотни тысяч трудящегося люда'; ккалп. *Бир сааттай жол журскк* (Салиев, 5) 'Если мы пройдем еще путь в один час'; узб. *Сойдан беш юз метрча нарида* (Анорбаев 1957, 58) 'На расстоянии 500 метров от горной речки' и т.д.

Зависимый член — порядковое числительное, характеризует предмет по его положению при счете: аз. *иккинчи йер* 'второе место', алт. *учунчи дьыл* 'третий путь', башк. *беренсе йыл* 'первый год', каз. *биринчи хатым* 'мое первое письмо', тат. *беренче очрашуыбыз* 'наша первая встреча' и т.д.

"Порядковое числительное с афф. *-ныч* + существительное" представляет наиболее распространенную модель образования. Ее возникновение можно отнести к праязыковой плоскости.

Существует довольно много гипотез, касающихся происхождения аффикса порядковых числительных *-ныч/-нычи*. Неясно здесь происхождение элемента *-н*. То ли это особый аффикс собирательного мн. числа, то ли что-то другое. Что касается второго составного элемента *-чы/-чи*, то, по всей вероятности, это выделительная частица. Такая выделительная частица в тюркских языках действительно имеется. Частица *-чы* может усиливать в некоторых тюркских языках формы повелительного наклонения, ср. кбалк. *жаз-чы* 'напиши-ка', узб. *оқын-чи* 'читай-ка', ног. *кёрсет-ши* 'покажи-ка', каз. *бер-ши* 'дай-ка', кирг. *ал-чы* 'возьми-ка' и т.д.

Могут возразить, что усиленная частица *-чы* употребляется только в сфере глагола. Но это неверно. Она может употребляться и при других частях речи. Ср., например, в кумыкском: *Биз чи сени каровуллайбыз* (Ягьяев, 223) 'И мы тебя караулим'; *Қатынлар булаңы иш чи совсем де бузук* (Ягьяев, 89) 'А работа женского уголка совсем плохая'. В первом случае частица *чы* примыкает к местоимению, а во втором — к имени существительному.

В некоторых тюркских языках существуют другие показатели порядковых числительных. Для образования порядковых числительных в тувинском языке используется афф. *-кы/-ки (-ку/-ку)*, *-гы/-ги (-гу/-гу)*: *бир-ги* 'первый', *үш-ку* 'третий', *беш-ки* 'пятый' и т.д. Афф. *-кы/-ки* — древний аффикс, выражающий отношение к чему-либо. Возможно, он встречается в составе сложного афф. *-дақы/-дэки*.

В якутском языке порядковое числительное образуется с помощью афф. *-ыс/-ис*, *-ус/-ус*: *төрдүс ат* 'четвертая лошадь', *иккис ыт* 'вторая собака'. Происхождение афф. *-ыс/-ис* неизвестно (возможно, из *-нч*).

В тофаларском языке в роли показателя порядковых числительных выступает афф. *-шык/-шкы*. Вероятно, он представляет соединение двух аффиксов — *-ш* (як. *-ыс*) и *-кы/-ки*.

В чувашском языке порядковые числительные образуются с помощью афф. *-меш* (*Иккёмёш үйдх ёслетёр* 'Мы работаем второй месяц' [ЧРСл. 1961, 162]), который мог возникнуть под влиянием марийского языка. Ср. мар. *кок* 'два', но *кок-ы-мишо* 'второй'.

Все эти типы образования порядковых числительных нельзя возвести к праязыковой общности, поскольку в других тюркских языках следы их не обнаруживаются. По-видимому, в некоторых тюркских языках они возникли в более позднюю эпоху.

Зависимый член – неопределенно-количественное числительное: аз. *Аз таман чох бала кәтирәр* (Аталар сөзу, 10) 'Малый соблазн приносит большую беду'; тат. *Нурулла берничә адым атлады* (Әпсәләмов 1953, 100) 'Нурулла прошел (букв.: шагнул) несколько шагов'; Родословная туркмен: *Бир һичә күн сабр кылды* 'Потерпи несколько дней' [Кононов 1958, 143].

Модель "неопределенно-количественное числительное + существительное" существует в тюркских языках искони. При всем лексическом многообразии составных элементов модели сама модель сохраняет структурное единообразие во всех тюркских языках. После неопределенно-количественных числительных существительные сохраняют форму ед. числа. Редко, но встречаются аномальные случаи выражения мн. числа. Ср. чув. *Унтанна ёнте нумай сүлсем иртигә* (Уйһап, 33) 'С тех пор уже прошло много лет'; Родословная туркмен: *бир һичә за'фалар* 'несколько женщин' [Кононов 1958, 127].

Таким образом, к праязыку можно отнести регулярно встречающуюся во всех тюркских языках модель "неопределенно-количественное числительное + существительное в ед. числе". Сами способы выражения неопределенного количества не отличаются устойчивостью. Только некоторые из них, например тат. *күп*, можно отнести к праязыковому состоянию.

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ – МЕСТОИМЕНИЕ

Зависимый член – притяжательное местоимение. Предмет определяется в отношении его принадлежности или тесной связи с тем или другим лицом: аз. *Мәним адым Халил вә йолдашымын ады Садыгдыр* (МН, 1, 7) 'Мое имя Халиль, а имя моего товарища – Садык'; башк. *Минең китабым булмагъа, һинекә булаһа мәктәптә* 'Моя книга в комнате, а твоя – в школе' [Дмитриев 1948, 110]; кбалк. *Бизни йойбуюз Калининни орамындады* 'Наш дом находится на улице Калинина' [Филоненко 1940, 39–40].

Во всех тюркских языках встречаются и другой тип определительных словосочетаний, выражающих идею принадлежности: аз. *бизим нәсл* 'наше поколение', башк. *безең сборный команда* 'наша сборная команда', кбалк. *бизни бригада* 'наша бригада', тат. *безең елга* 'наша река', чув. *пирди аине* 'наша мать' и т.д.

Некоторые тюркологи отмечают стилистическую ограниченность этого типа словосочетаний. Так, Н.К. Дмитриев указывает на то, что "тип *минең ат* употребляется скорее в разговоре, чем в литературном языке. Он связан с определенной эмоциональностью, но не личного, а, так сказать, коллективного характера (...) *безең Фаррах* 'наш Фаррах'. При собственных именах этот тип широко употребителен" [1948, 58]. На ограниченность употребления этого типа жанром разговорной речи указывают Э.Н. Наджип [1960, 55] и А.Н. Кононов [1960, 88]. Причем этот тип словосочетаний встречается преимущественно применительно к 1-му лицу, гораздо реже – к 2-му; ср. узб. *Сизнинг звенодан хотирим жам, холажон деди Рустам* (Ойбек, 43) 'За ваше звено я спокоен, тетушка, – сказал Рустам'.

Сравнительно-исторический анализ категории принадлежности в тюркских языках позволяет прийти к выводу, что форма выражения так назы-

ваемой конкретной принадлежности *атым* 'мой конь' — соединение в одном слове двух моментов: понятия о самом отношении "мой" и понятия о том предмете, на который это отношение распространяется, — является наидревнейшей. Существование притяжательных местоимений в эпоху тюркского праязыка не вызывает никаких сомнений.

Притяжательные аффиксы в тюркских языках развились из каких-то местоименных основ, выполнявших первоначальную роль пространственных индикаторов. *Атым* 'моя лошадь' могло первоначально обозначать 'лошадь, которая ближе всего ко мне находится'. Пространственные отношения были впоследствии переосмыслены как отношения притяжательные.

Появление притяжательных местоимений как параллельного способа выражения принадлежности было вызвано какими-то лингвотехническими причинами, которые сейчас трудно определить. На основании данных якутского языка можно предполагать, что первоначально роль притяжательных местоимений выполняли обычные личные местоимения, соединяемые с определяемыми ими существительными путем простого примыкания, например: *бэн атым* 'моя лошадь'. Существующие в якутском языке притяжательные местоимения типа *миэнэ* 'мой', *эйиэнэ* 'твой' никогда не выступают в роли определения. Этот способ оказался исторически очень неустойчивым. Он сохранился только в якутском языке.

Для образования притяжательных местоимений стали употребляться притяжательные аффиксы, присоединяемые непосредственно к основам личных местоимений, ср. тат. *минем* 'мой', тур. *benim* 'мой', *bizim* 'наш' и т.д. Наконец, после появления в тюркских языках род. падежа роль притяжательных местоимений стали выполнять формы род. падежа личных местоимений, ср. тат. *безнең илемең* 'наша страна', *сезнең атагың* 'ваш отец'. Этот способ оказался наиболее устойчивым.

Словосочетания, состоящие из существительного с зависимым возвратным местоимением, обнаруживают в различных тюркских языках большое разнообразие. Исходной основой различных возвратных местоимений служит слово *өз* с первоначальным значением 'нутро, сердцевина' (ср. аз. *өзүм* 'я сам', кирг. *өзүм*, каз. *өзім*, туркм. *өзүм*, башк. *үзем*, кум. *өзүм*, ккалп. *өзім*, уйг. *өзүм* и т.д.). В языках шорском, хакасском, тувинском, алтайском и тофаларском возвратное местоимение 'сам' образуется от архетипа **бө:з* с первоначальным значением 'тело' (ср. шор. *поз-ым* 'я сам', хак. *поз-ым*, тув. и тоф. *бод-ум*, алт. *бо-ым*); в турецком и гагаузском языках возвратное местоимение образуется от слова *канди*, например: тур. *kendim* 'я сам', *kendin* 'ты сам' и т.д. Слово 'сам' встречается в орхонских надписях в форме *кэнтү*. Вопрос об этимологии этого слова не выяснен. В карачаево-балкарском языке возвратное местоимение со значением 'сам' образуется от слова *кес*, например *кес-им* 'я сам', а в чувашском — от слова *хам*. Происхождение этих слов неизвестно.

При наличии такого разнобоя трудно предполагать существование этой модели в тюркском праязыке. Возможно, что модель со словом *өз* уже в тюркском праязыке существовала, поскольку большинство тюркских языков образует возвратное местоимение от архетипа **өз*.

Зависимый член — указательное местоимение, служащее для обозначения степени удаления предмета от говорящего: каз. *Маған осы қызды алып бермесеніз, мен сізден безем* (КЕ. 64) 'Если ты мне такую девушку

не дашь, то я откажусь от вас': тат. *Сез шушы авылныкымы кызлар?* — *дип сорады ул* (Хасни, 17) 'Вы этой деревни девушки? — спросил он: узб. *Уша куни кечқурдун колхозчиларнинг умумий йиғилиши қақирилди* (Шарипов, 14) 'В тот день вечером созваны общее собрание колхозников'.

Во всех общетюркских памятниках встречаются те же модели словосочетаний с составным элементом, представляющим указательные местоимения. Ср. Родословная туркмен: *Бу күндін соң сәни Көл Арки хан тағәлі* 'С этого дня мы станем звать тебя Коль Эрки хан' [Кононов 1958, 151].

Тип словосочетаний "указательное местоимение + существительное" можно отнести к праязыковому состоянию. Если переменено лексическое наполнение формирующего этот тип словосочетания компонента, т.е. имени существительного, то довольно единообразен лексический состав зависимого члена — указательного местоимения. Как показали вышеприведенные иллюстрации, в тюркских языках система указательных местоимений основана преимущественно на разграничении трех степеней отдаленности предметов от говорящего: 'этот' (ближайший), 'тот' (более отдаленный, но видимый) и 'тот' (еще более удаленный, уже невидимый). Отсюда существование в тюркских языках трех основных указательных местоимений: *бу, шу, о*.

Возможны различные фонетические варианты этих местоимений, связанные с изменениями начального согласного или гласного, с появлением в конце основы звука л. Ср. башк. *был*; каз. *бул*, ккалп., кирг., кар. *бул*; аз., алт., туркм., ног., узб., уйг. *бу*; тув. *бо*; хак. *пу*; шор. *по* и т.д. При всем многообразии этих фонетических вариантов их трехступенная система постоянна. Она уже четко была представлена в ранних памятниках [Gabaïn 1950, 92-94].

Зависимый член — определительное местоимение. Предмет здесь определяется на основе количественно-обобщающих, отвлеченно типизирующих отношений. Ср. башк. *Нәр койкала ... һалдаттарҙың тыныс йөзҙәре күрәнә* (Әмири, 7) 'На каждой койке видны спокойные лица (...) солдат'; ккалп. *Хәмме адамлар қатты шавлығыен* (Сейтназаров, 20) 'Все люди жестоко хотели пить'; тув. *Төдү чону чагаадыкчы ажыла-иште* 'Весь народ на производственной работе'; узб. *Болтабай бүгүн қариндаш-уруғларини, яқин-узоқ уртоқларини уйға таклиф қилиб...* (Шарипов, 6) 'Балтабай, пригласив домой всех родных, далеких и близких товарищей...'

Наиболее распространенными в тюркских языках являются собирательные местоимения, образованные от слова *бар* 'есть — имеется'. Они могут быть образованы разными способами: 1) путем присоединения дейктической частицы *-ы, -сы*, ср. туркм. *бар-ы* 'все', кирг. *баар-ы*, уйг. *бар-ы*, кар. *бар-ы*, чув. *пур-ё*, як. *бар-ы, бары-та*; 2) путем присоединения аффикса *-ча/-ча*, ср. тат. *бар-ча* 'все', каз. *бар-ша*, уйг. *бар-ча*, шор. *пар-ча*; 3) путем присоединения усилительной частицы *-та/-та*, ср. чув. *пурте* 'все'; 4) путем присоединения аффикса *-лык/-лик*, имеющего собирательное значение, ср. тат. *барлык* 'все', кирг. *бардык*, каз., ккалп. *бардык*.

Очень распространено в тюркских языках обобщающее собирательное местоимение, образованное от корня *бүт* путем прибавления аффикса *-ын/-ин*, ср. каз. *бүтін* 'все', ног. *бүтін*, кум. *бютюн*, туркм. *бүтин*, уйг. *пүтүн*, узб. *бутун*, тур. *bütün* и т.д. Иногда к этому корню прибавляется аффикс *-кул*, ср. каз. *бүткул*, кирг. *бүткул*.

По-видимому, в общетюркскую эпоху была распространена в разных диалектах модель определительных словосочетаний с зависимыми членами *бар* и *бөтен*, что отражает диалектную дробность общетюркского праязыка. Обе модели с *бары* и *бутун*, очевидно, одинаково древние, и трудно сказать, какая из этих конкретных моделей существовала раньше.

Встречающееся в большинстве тюркских языков определительное местоимение *һәр* 'каждый, всякий' по своему происхождению представляет заимствование из персидского языка. Такое же происхождение и местоимения *пылан* ~ *баьлен* ~ *филян* 'некий'. Большинство же определительных местоимений, входящих в состав анализируемого типа словосочетаний, являются специфичными для отдельных тюркских языков и развивались, по-видимому, уже в период после распада тюркского языка-основы. Ср. алт. *көдөрө*, башк. *тотош*, гаг. *жумна* 'весь', ккалп. *өцкей* 'все', ног. *сивлай*, туркм. *кулли* 'весь' и др.

Как можно видеть, лексическое наполнение словосочетаний типа "определяющее местоимение + существительное" не отличается единообразием. Это объясняется тем, что количественно обобщающие отношения допускают довольно большое число различных ассоциаций. По этой причине слова, выражающие эти отношения, исторически малоустойчивы.

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ – ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С КАЧЕСТВЕННЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Зависимый член – корневое прилагательное (т.е. без формальных показателей), которые характеризуют предмет в соответствии со своим лексическим значением в самых различных отношениях. Непроизводные имена прилагательные представляют чистый корень, т.е. неизменяемую основу, неразложимую в современных тюркских языках на какие-либо компоненты. Таких прилагательных в тюркских языках сравнительно немного. Ср. тур. *kara* 'черный', кум., ног., каз. *қара*, кирг., тат. *кара*, аз., туркм. *гара*, чув. *Хура* и т.д.; тур. *ak* 'белый', кум., кирг., тат. *ак*, каз., ног. *ақ*, башк. *аҡ* и т.д.; ног., каз., ккалп., уйг., тат. *ала* 'пестрый' и т.д.; тур. *yeni* 'новый', ног., кум. *яңы*, ккалп., каз. *жаңа*, уйг. *jeңи*, аз. *јени* и т.д.; тур. *boş* 'пустой', аз., кум., туркм. *бош*, каз., ккалп. *бос* и т.д.

Качественные прилагательные как составной элемент определительных словосочетаний могут выражать цвет, свойство, любую качественную характеристику, не отвлеченную от предмета. Ср. аз. *Мави көйләрдә ахшам күнәһини сон ишығалары парылдайыр* (Ибраһимов 1958, 3) 'На голубом небе сверкали последние лучи вечернего солнца'; тат. *Ерак Карелияда ак төннар башланды* (Әпсәләмов 1953, 3) 'В далекой Карелии начались белые ночи'; Кюль-Тегин: *Үзә көк тәңри асра јағыз јір кылынтукда әкин ара кісі оғлы кылынмыс* 'Когда было сотворено (возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (возникли) сыны человеческие (т.е. люди)' [Малов 1951, 28, 36].

В нашем распоряжении нет никаких фактических данных, которые

свидетельствовали бы о том, что в общетюркскую эпоху данный тип словосочетаний был совершенно иным или отличался хотя бы порядком расположения составных компонентов, поскольку закон порядка слов "определение + определяемое" существовал уже в тюркском праязыке. Об этом свидетельствуют также и результаты этимологических изысканий, демонстрирующих возможность возведения некоторых прилагательных к одному источнику.

Зависимый член — производное прилагательное, выражающее ослабленное качество. Аффиксов прилагательных, выражающих ослабленное качество, довольно много. Ср. каз. *сыр-қай* 'сероватый', кбалк. *сар-гылт* 'желтоватый', каз. *қар-алтым* 'черноватый', кирг. *сар-ылчым* 'желтоватый', кирг. *жылы-мык* 'тепловатый', тат. *жылы-мса* 'тепловатый', хак. *хыза-мзых* 'красноватый', туркм. *туришу-мык* 'кисловатый', аз. *бозу-мгул* 'сероватый', *аг-ымтраг* 'беловатый', ног. *агы-рак* 'беловатый' тат. *ал-су* 'розоватый', узб. *оқ-сила* 'беловатый', кирг. *кызыл-сымак* 'красноватый', каз. *ақ-ша* 'беловатый', тур. *güzel-cik* 'красивенький', кирг. *көг-үш* 'голубоватый' и т.д.

Вышеперечисленные аффиксы, означающие ослабленное качество, встречаются во всех тюркских языках. Исключение составляют только чувашский и якутский языки.

По-видимому, модель "прилагательное, выражающее ослабленное качество, + существительное" существовала уже в тюркском праязыке, хотя и не имеет единой морфологической опоры. Это объясняется тем, что само понятие ослабленного качества вызывает очень большое количество ассоциаций, ведущих к разнообразию аффиксов.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Зависимый член — прилагательное на *-лыг*: представлены в памятниках древнетюркской письменности, ср. *qarlıy tarı* 'гора, покрытая снегом', *jıgıly ađ* 'жирная пища'. Из современных тюркских языков прилагательное на *-лыг* сохраняется только в хакасском, шорском, тувинском, тофаларском и чулымско-тюркском языках; ср. хак. *агырыг пала* 'больной ребенок', *азырлыг аагас* 'ветвистое дерево', тув. *дагыг чер* 'гористая местность', *адырлыг терек* 'ветвистый тополь', чул.-тюрк. *та:дыг палык* 'вкусная рыба', тоф. *малыг киши* 'человек, имеющий скот', шор. *канаттыг куш* 'крылатая птица' и т.д.

Аффикс относительных прилагательных *-лыг* ведет свое происхождение от аффикса древнего совмест. падежа, или номинатива, *-лы-ә*, например: *аты:ә* 'с конем', *кишилиг* 'с человеком' и т.д.

Возможность использования аффикса совмест. падежа для образования относительных прилагательных подтверждает история образования относительных прилагательных в монгольском языке. Эти прилагательные в монгольском языке имеют афф. *-тай*, ср. монг. *нөлөө-тэй* 'влиятельный' (< *нөлөө* 'влияние'), *угалза-тай* 'узорчатый' (< *угалз* 'узор'), *дуй-тэй* 'умелый' (< *дуй* 'способность') и т.д. Аффикс относительных прилагательных *-тай/-тэй* совпадает с аффиксом совместн. падежа *-тай/-тэй*. Ср. монг. *туг* 'знамя' — *тугтай* 'со знаменем', *нэр* 'имя' — *нэртэй* 'с именем' и т.д. В тюркском праязыке когда-то все относительные прилагательные имели афф.

-лы:ә/-ли:ә'. В современных тюркских языках сфера его распространения сильно сократилась.

Зависимый член – прилагательное на *-лык*. Эта модель распространена в уйгурском языке. Ср. и-уйг. *путақлик яғач* 'ветвистое дерево', *ташлик йар* 'каменистое место' и т.д. Афф. *-лык* произошел из *-лы:ә* в результате сокращения долгого *ы* и оглушения конечного *ә*. Сфера распространения афф. *-лык* в прошлом была более широкой: некогда он существовал в турецком, азербайджанском, туркменском, кумыкском, татарском, башкирском, ногайском, казахском, чувашском и узбекском языках.

Афф. *-лык* образует относительные прилагательные от имен существительных, ср. тур. *ormanlık bölge* 'лесистый район', *dağlık arazi* 'гористая местность', ккалп. *далалық жер* 'степное место', каз. *аудандық бөлүм* 'районный отдел' и т.д. Гораздо чаще *-лык* употребляется для образования относительных прилагательных, обозначающих определенное количество времени, ср. тат. *айлык журнал* 'ежемесячный журнал', *еллык план* 'годовой план', каз. *күндік жұмыс* 'поденная работа', кум. *гюнюк иш* 'ежедневная работа', тур. *günlük gazete* 'ежедневная газета', к. калп. *айлык жол* 'ежемесячный путь', аз. *язлыг пальто* 'зимнее пальто'. Афф. *-лык* здесь связан генетически с показателем собирательной множественности *-лык*, значение которого отчасти сохранилось в современных тюркских языках, ср. тат. *нарат-лык* 'сосняк' (<*нарат* 'сосна'), аз. *палыд-лыг* 'дубняк' (<*палыд* 'дуб'), чув. *чулăх* 'каменистое место' (<*чул* 'камень'), туркм. *агач-лык* 'лесистое место, место, где много деревьев' (<*агач* 'дерево') и т.д.

Первоначальное значение собирательной множественности могло развиваться в направлении указания на количество предметов. Отсюда такие значения, как тур. *dağlık* 'гористый', т.е. изобилующий горами, ккалп. *далалық* 'степной' и т.д. Этим также объясняется, почему афф. *-лык* довольно часто присоединяется к именам существительным, обозначающим какой-либо отрезок времени, ср. каз. *жылдық* 'годовой'.

Зависимый член – прилагательное на *-лы*. Количество языков, имеющих это словосочетание, довольно велико, ср. ног. *тавлы ер* 'гористая местность', ккалп. *согыс* 'кровавопролитный бой', кум. *булутлу гюн* 'облачный день', *тёбели ер* 'холмистая местность', башк. *йондоҙло төн* 'звездная ночь', туркм., аз. *гарлы гыш* 'снежная зима', тат. *айлы төн* 'лунная ночь', каз. *аязды күн* 'морозный день' (<*аязлы күн*), ккалп. *балалы киси* 'семейный человек', тур. *telli saz* 'струнный инструмент', чув. *вйила лаша* 'сильная лошадь' и т.д. Афф. *-лы* возник из афф. *-лык* в результате утраты конечного *к*. Интересно, что аффикс относительных прилагательных *-ла* наличествует только в тех тюркских языках, в которых аффиксальное конечное *к* вообще часто утрачивалось, ср. тур. *ала* 'пестрый', тат., башк., ног., кум., каз., кирг. *ала* (<*алак*), тур. *dolu* 'полный', тат., башк. *тулы*, тур. *sarı* 'желтый', тат., ног., кум. *сары*, башк. *һары* аз. *сары* (<*сарык*).

Зависимый член – прилагательное на *-лу*: (*-ду* / *-ту*). Эта модель типична для киргизского языка. Ср. *балалуу киши* 'человек, имеющий детей', *жылдыздуу көк* 'звездное небо' и т.д. Она также встречается в алтайском языке, ср. *салкынду күн* 'ветренный день' (*салкын-ду* <*салкынлу*), *балыкту суу* 'богатая рыбой река' (*балык-ту* <*балык-лу*). Конечное *у* афф. *-лу* (*-ту* / *-ду*) является долгим. Афф. *-лу* произошел из *-лы:г*. Однако изменение *-лы:г* имело совершенно другой характер. Конечное *ә* здесь подвергав-

лось известной вокализации, которая привела к образованию $\ddot{y}$. В результате влияния конечного $\ddot{y}$ произошло огубление предшествующего y . В конечном счете в результате стяжения полудифтонга oy образовалось долгое $\ddot{y}$.

Зависимый член — прилагательные на *-лаах* (*-таах/-маах*). Аффикс встречается только в якутском языке, ср. *сыырдаах сир* 'гористая местность' (< *сыыр* 'горка'), *тыалаах сир* 'лесистая местность' (*тыа* 'тайга') и т.д.

Таким образом, в серии аффиксов относительных прилагательных самым древним является *-лыг*. Все остальные его варианты возникли позднее в отдельных тюркских языках или их группах.

Зависимый член — прилагательное на *-кы/-ки* (*-гы/-ги*). Эти прилагательные имеют два основных значения: 1) указание на место: тат. *тышкы киём* 'верхняя одежда', каз. *өзөңнүк төмөңгү агысы* 'нижнее течение реки' и т.д.; 2) указание на отрезок времени: тат. *язгы көн* 'весенний день', аз. *сабаһкы чај* 'утренний чай' и т.д. Значение местонахождения, вероятно, возникло раньше. Употребление *-кы/-ки* в современных тюркских языках довольно ограничено. Иногда он присоединяется к форме местн. падежа существительного и образует прилагательные, указывающие на местонахождение, ср. тур. *dolaptaki kitaplar* 'книги, находящиеся в шкафу' и т.д. Ярко выраженное дейктическое значение аффикса указывает на его связь с какой-то выделительной частицей, может быть с частицей *ки*.

Модель определительных словосочетаний с относительным прилагательным на *-ки*, по-видимому, существовала в глубокой древности, поскольку она встречается уже в ранних памятниках тюркской письменности. В чувашском языке афф. *-ки* по значению соответствуют афф. *-ри* и *-ли*, например; *анатри* 'верхний', *аяли* 'нижний'. Эти аффиксы образованы от формы местн. падежа. Соответствием общетюркского афф. *-ки* в чувашском языке является афф. *-хи*: *каҫхи* 'вечерний'.

Зависимый член — прилагательное на *-чан*: тат. *курукмаучан малай* 'бесстрашный мальчик', *анлаучан кеше* 'понятливый человек', *сынучан айбер* 'ломкий предмет', кум. *бичан киши* 'задумчивый человек', узб. *уятчан қиз* 'стыдливая девушка', *кўнгилчан киши* 'отзывчивый человек', каз. *ашушан адам* 'сердитый человек', ккалп. *сөзішен киси* 'красноречивый человек', ног. *исшен киси* 'хвастиливый человек', башк. *кызыўсан кеше* 'вспыльчивый человек', тур. *işcen kişi* 'активный человек' и т.д.

В современных тюркских языках прилагательные с афф. *-чан* встречаются довольно редко, и этот аффикс относится к числу непродуктивных. В некоторых тюркских языках (киргизский, якутский, кумыкский, хакасский, тувинский) он, по-видимому, совсем не встречается. Не имеет он прямого отражения и в чувашском языке. Изредка встречающийся в чувашском языке афф. *-чан*, например *вәрҫчан* 'воинственный', явно заимствован из татарского языка.

Афф. *-чан* состоит из довольно древних по своему происхождению уменьшительных афф. *-ч* и *-ан*, существовавших уже в общетюркскую эпоху. Следы былого уменьшительного значения афф. *-ч* до сих пор сохраняются в тюркских языках, ср. тат. *карлыга-ч* 'ласточка' при телеутском *карлык*, тур. *bozaç* 'серый'. Не исключена возможность связи этого аффикса с уменьшительным аффиксом существительных и прилагательных *-ча*, ср. аз. *баҫча* 'садик', тат. *төркемче* 'подгруппа' (букв. 'маленькая группа'), тур. *darça*

'узковатый', каз. *ақша*, кирг. *акча* 'беловатый' и т.д. Уменьшительное значение афф. *-(а)н* обнаруживается в таких существительных, как *оулан* 'мальчик' (<*оути* 'сын'), *дээн* 'река, речка' (<*дэ* 'источник') и т.д.

Основное значение аффикса – выражение склонности к чему-либо или качества, проявляющегося постоянно. Оно возникло в результате переосмысления первоначального значения неполноты признака.

Зависимый член – прилагательное на -чак. Ср. каз. *мактаншак адам*, ног. *мактаншак киси* 'хвастливый человек', ккалп. *уяшак қыз* 'застенчивая девушка', кирг. *урушчак короз* 'драчливый петух', ног. *алданшак киси* 'легковерный человек' (человек, легко поддающийся обману), тув. *боштунчак кижги* 'развязный человек', хак. *ачыңах кижги* 'жалостливый человек', аз. *утаннаг гыз* 'стыдливая девушка', туркм. *буланчак су* 'мутная вода', алт. *уяшак кыз* 'стыдливая девушка', тат. *басымчак кеше* 'назойливый человек' и т.д.

Подобно афф. *-чан*, афф. *-чак* выражает склонность к чему-либо или постоянно проявляющееся качество. Первоначально этот аффикс выражал значение уменьшительности. Ср. тур. *бүйүсек* 'большенький', узб. *узунчок* 'продолговатый', *тугунчак* 'узелочек' (<*тугун* 'узел'), хак. *хузынчак* 'птичка' (<*хус* 'птица'). В современных тюркских языках афф. *-чак* встречается редко и относится к числу непродуктивных аффиксов.

Аффикс составлен из двух древних уменьшительных афф. *-ч* и *-ақ*. Уменьшительное значение афф. *-ақ* проявляется в таких словах, как *башақ* 'колос' (головка, или маленькая голова), чув. *варак* 'овражек' (<*вар* 'овраг, ложбина').

Зависимый член – прилагательное на -чык. Ср. ккалп. *уйренишак жазушы* 'начинающий писатель', хак. *көлөрчөк кижги* 'пугливый человек' *чоохтанчых киз* 'разговорчивая девушка' и т.д.

По происхождению афф. *-чык* идентичен афф. *-чак*, поскольку представляет аблаутный вариант последнего. Выражает те же значения. Первоначально он имел уменьшительное значение, что может быть доказано многими примерами, ср. тат. *бугазчык* 'горлышко' (<*бугаз* 'горло'), *куакчык* 'кустик' (<*куак* 'куст'), *таякчык* 'палочка' (<*таяк* 'палка'), кирг. *көлчүк* 'озерко' (<*көл* 'озеро'), ккалп. *уйшик* 'домик' (<*уй* 'дом'), аз. *аданых* 'островок' (<*ада* 'остров'), башк. *төйөнсек* 'узелок' (<*төйөн* 'узел'), тур. *dilcik* 'язычок' (<*dil* 'язык'). Афф. *-чык* также проявляется в прилагательных с уменьшительным значением, ср. угр. *güzecik* 'красивенький', *yüksecik* 'высоконыйкий', туркм. *агасчык* 'хроменький', гаг. *кысаджык* 'коротенький' и т.д. В современных тюркских языках афф. *-чык* встречается относительно редко и относится к числу непродуктивных аффиксов.

Зависимый член – прилагательное на чыл. Ср. кирг. *сарычылы* 'желтоватый', тур. *barışçıl adam* 'миролюбивый человек', *gökçül renk* 'голубоватый цвет', каз. *көпшіл адам* 'человек, любящий общество', тат. *кукрәкчел жегет* 'грудастый молодой человек', кирг. *кулкучул киши* 'смешливый человек', тув. *бүдүрүүчөл ат* 'спотыкающийся конь', ккалп. *қалжынышыл адам* 'шустрый человек', аз. *ишчил адам* 'деловитый человек', алт. *чамчылы кыз* 'ласковая девушка' и т.д.

Значение склонности к чему-либо возникло в результате переосмысления первоначального значения неполноты признака. Об этом свидетель-

ствуют некоторые аффиксы, имеющие и то и другое значение, ср. тур. *акçи* 'беловатый' и аз. *иччил* 'склонный к работе'. По значению афф. *-чыл* ничем не отличается от значений афф. *-чан*, *-чак* и *-чык*. Аффикс состоит из двух древних уменьшительных аффиксов *-ч* и *ыл*. В современных тюркских языках афф. *-чыл* употребляется довольно редко.

Зависимый член – прилагательное на *-чы*. Ср. хак. *чорисчи* 'любящий ходить', *уйкучы* 'сонливый', *ырчы* 'любящий петь', туркм. *адамчы* 'кусачий', алт. *уйкучы* 'сонливый', тур. *иначи* 'упрямый', шор. *урушчы* 'драгивый' и т.д. Сфера употребления прилагательных на *-чы* в современных тюркских языках сократилась, потому что этот аффикс был перенесен в сферу существительных, где он в известной степени переосмыслился и стал использоваться в названиях профессий, ср. тур. *авчи* 'охотник' (< *ав* 'охота'), аз. *дилчи* 'языковед' (< *дил* 'язык'), алт. *малчы* 'пастух' (< *мал* 'скот'), кум. *пимирчи* 'кузнец' (< *пимир* 'железо'), тув. *аҕчы* 'охотник' (< *аҕ* 'зверь'), кирг. *балыкчы* 'рыбак' (< *балык* 'рыба') и т.д.

Зависимый член – прилагательное на *-ыч*. Ср. тат. *кызганыч кеше* 'жалкий человек', *куркыныч дошман* 'опасный враг', *жирәнеч киши* 'отвратительный человек' и т.д. Этот аффикс в современных тюркских языках употребляется крайне редко. Первоначальное значение – обозначение качества, проявляющегося постоянно.

Зависимый член – прилагательное на *-ыч*. Ср. кбалк. *кызганч киши* 'жадный человек', *айланч чай* 'извилистая речка', туркм. *горкунч адам* 'опасный человек', *гысганч адам* 'жадный человек' и т.д. По всей видимости, афф. *-ыч* и *-ыч* генетически между собой связаны, хотя первоначальное их значение определить довольно трудно.

Зависимый член – прилагательное на *-ак*. Ср. тат. *аксак кеше* 'хромой человек', *елак тавыш* 'шаксивый голос', аз. *гачак гәле* 'часто убегающий теленок', чув. *шывак шурпе* 'водянистый суп', тур. диал. *исак битки* 'вьющееся растение', туркм. *уртак тел* 'общий язык' и т.д. Афф. *-ак* в современных тюркских языках встречается очень редко. По происхождению это уменьшительный аффикс. На базе этого первоначального значения развились все его остальные значения.

Зависимый член – прилагательное на *-қақ/ғак*. Ср. каз. *жабысқақ желім* 'липкий клей', *мойысқақ тал* 'гибкий тальник', тат. *батқақ саз* 'вязкое болото', узб. *қўрқоқ киж* 'трусливый человек', кирг. *тайгак буз* 'скользкий лед', ног. *уъркек кис* 'боязливый человек', тув. *бийыргак киж* 'хвастливый человек', аз. *горхаг оғлан* 'робкий парень', алт. *адаркак киж* 'завистливый человек' и т.д. В современных тюркских языках афф. *-қақ* встречается относительно редко. Афф. *-қақ/-ғақ* возник в результате повторения уменьшительного афф. *-ақ* (*-ақ* + *-ақ* > *-қақ*, > *-ғақ*).

Зависимый член – прилагательное на *-кай*. Ср. кирг. *сынаркай кирпич* 'ломкий кирпич', ног. *урлакай киши* 'вороватый человек', алт. *чочынгкай киж* 'путливый человек', хак. *толгай суе* 'извилистая река' и т.д. В современных тюркских языках афф. *-кай* (*-гай*) встречается относительно редко. Генетически он связан с уменьшительным аффиксом существительных *-кай* (*-гай*), ср. тат. *балакай* 'дитяtko' (< *бала* 'ребенок'), *дускай* 'друг' (< *дус* 'друг'), *анакай* 'тетушка' (< *ани* 'тетя') и т.д. На основе уменьшительного значения могло развиваться значение неполноты признака, ср. каз. *чырқай* 'сероватый', алт. *ыйлақай* 'шаксивый' и т.д. Значение склонности к

чему-либо, по-видимому, возникло на основе значения неполноты признака.

Зависимый член – прилагательное на -қач/-ғач. Эти прилагательные обычно обозначают склонность, ср. бацк. *həzəkəs hıyır* 'бодливая корова', тур. *ıtangaç kız* 'стыдливая девушка' и т.д. В современных тюркских языках прилагательные с аффикс. -қач/-ғач встречаются очень редко. По-видимому, первоначально этот аффикс имел уменьшительное значение. Любопытно, что он имеет тот же состав, что и аффикс. -чак.

Зависимый член – прилагательное на -ғыч. Ср. ккалп. *əzgeriti adam* 'непостоянный человек', каз. *ауыреши адам* 'болезненный человек', ног. *күлдиргени киши* 'смешной человек', тат. *ялыктыргыч эш* 'нудная работа' и т.д. В современных тюркских языках этот аффикс также встречается довольно редко. По происхождению аффикс. -ғыч/-қыч, по-видимому, аблаутный вариант аффикс. -ғач/-қач. Совершенно очевидна связь этого прилагательного с прилагательным на -ғыч, означающим неполноту качества, ср. ккалп. *сынғыш* 'ломкий' и кирг. *саргыч* 'желтоватый'.

Зависимый член – прилагательное на -қыр/-жир (-ғыр/-гир). Ср. тат. *алғыр малай* 'проворный мальчик', ктат. *сезгир киши* 'чувствительный человек' и т.д. Генетически аффикс. -қыр/-жир, по всей видимости, существовал в праязыке. В состав его входит элемент -ғы с модальным значением и аффикс. -р, тот же, что в причастии на -ыр/-ир.

Словосочетания с прилагательными, обозначающими постоянное свойство, склонность к чему-либо и т.п., в процессе развития тюркских языков понесли значительный урон. Суффиксы их стали непродуктивными. По этой причине употребительность таких словосочетаний резко сократилась. Это явление имеет свои причины. Значительная часть этих прилагательных субстантивировалась. Ср. алт. *айлачык* 'водоворот', *сыгырчык* 'сверчок', хак. *махтанчык* 'хвостун', ккалп. *тиленшек* 'попрошайка', *емшек* 'соска', тув. *көрүнчүк* 'зеркало', тат. *бушандыргыч* 'разрядник', *тигезлөгөч* 'ватерпас', *ерткыч* 'зверь', кум. *кыргыч* 'скребок', ккалп. *сызгыш* 'линейка', аз. *оҗуңка* 'игрушка', *эмчак* 'соска', ккалп. *урыншаг* 'задира', узб. *аргамчок* 'качели', алт. *баткак* 'топь', каз. *қорқак* 'трус', аз. *баһачыл* 'обирала' и т.д.

Особенно значительной была субстантивация прилагательных с аффикс. -чы, обозначающих склонность к чему-либо, ср. тур. *inatçı* 'упрямый', хак. *уйғучы* 'сонливый', *хундугчы* 'забывчивый' и аз. *яланчы* 'лгун', хак. *күлечи* 'насмешник' и т.д. Но особенно интенсивно происходил процесс субстантивации в тех случаях, когда аффикс. -чы был переосмыслен как аффикс, обозначающий профессию, ср. тат. *балыкчы* 'рыбак', тур. *işçi* 'рабочий' и т.д.

Зависимый член – прилагательное на -ыг/-иг. Аффикс. -ыг/-иг' был довольно широко распространен в старых тюркских языках, ср. др.-тюрк. *айыг* 'злой', *арыг* 'чистый', *йылыг* 'теплый', *сарыг* 'желтый' и т.д. Он сохранился также в тувинском, хакаском, шорском и тофаларском языках, ср. тув. *арыг* 'чистый', *чылыг* 'теплый', шор. *кадыг* 'твердый', *ачыг* 'кислый', *изиг* 'жаркий', *чылыг* 'теплый'.

В уйгурском и узбекском языках конечный -г превратился в -к: *каттык* 'твердый', *иссиқ* 'жаркий' и т.д.

В преобладающем большинстве тюркских языков конечные -г и -ғ, а

также промежуточная ступень к отпали, ср. ног., тат. *каты* 'твердый', тур. *kati*, алт. *кату*; тат. *ессе* 'горячий', кум. *исси*, ккалп. *иссы*; *жылы* 'теплый', кум. *йылы*, каз. *жылы*; тур. *зат* 'желтый', каз., узб. *сары* и т.д.

Афф. *-ыг/-иг* существовал в тюркском праязыке. В современных тюркских непродуктивен.

Зависимый член — привативные прилагательные на *-сыз*. Прилагательные на *-сыз/-сиз* в тюркских языках широко распространены, ср. каз. *аяксыз адам* 'безногий человек', тат. *болытсыз күк* 'безоблачное небо', туркм. *будутсыз асман* 'безоблачное небо', кум. *адамсыз орамлар* 'безподные улицы' ккалп. *базарсыз жер* 'место, где нет базара', кирг. *айсыз түн* 'безлунная ночь', тур. *укусыз gece* 'бессонная ночь', аз. *ағылсыз ушаг* 'глухой ребенок'.

Вопрос о происхождении аффикса так называемых привативных прилагательных *-сыз/-сиз* до сих пор остается открытым. По всей вероятности, афф. *-сыз/-сиз* когда-то обозначал неполноту качества. Позднее это значение усилилось до полного отрицания. В афф. *-сыз/-сиз* можно выделить два составных элемента — *с* и *ыз/из*. Элемент *с* способен выражать неполноту качества. Ср. тат. *ал-с-у* 'розоватый' (<*ал* 'розовый'), *зангар-с-у* 'синеватый' (<*зангар* 'синий'), аз. *ағым-с-ов* 'беловатый', *узун-с-ов* 'длинноватый', *дус-с-уә* 'солоневатый', тат. *күк-с-ял* 'голубоватый' и т.д. Второй элемент *ыз/из* может образовывать уменьшительные имена существительные, правда в соединении с афф. *-чык*, ср. тур. *elçiğiz* 'ручка' (<*el* 'рука').

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ — ПРИЧАСТИЕ

Зависимый член — причастие на *-ған*. Данная модель встречается в алтайском, татарском, башкирском, казахском, киргизском, ногайском, тувинском, узбекском, уйгурском, хакасском и шорском языках. Ср. тат. *туған жир* 'родная земля', тув. *бышкан кат* 'созревшая ягода', узб. *ўтган йил* 'прошлый год', алт. *айткан киж* 'говоривший человек', каз. *өткен жыл* 'прошлый год' и т.д.

Определительные словосочетания с причастием на *-ған*, по-видимому, были уже известны праязыковому состоянию. Образования с *-ған* первоначально как в кыпчакских, так и в огузских языках имели значение причастий и прилагательных. В огузских языках образование на *-ған* существует как словообразовательный элемент, образующий отглагольные прилагательные: тур. *calçkan çocuk* 'старательный ребенок', туркм. *үйреген ит* 'бредливая собака', аз. *чалышган тәләбә* 'старательный студент'.

В основе причастия на *-ған* лежит причастие на *-ан*, осложненное афф. *-қ*. Афф. *-қ* существовал уже в общетюркскую эпоху, где он образовывал причастия, реликты которых сохраняются в современных тюркских языках, ср. тат. *кисәк* 'кусочек' (первоначально 'отрезанный' (<*кис-* 'резать'), тат. *ачык* 'открытый' (<*ач-* 'открывать') и т.д. Позднее аффикс причастия *-қ* соединился с другим причастием — причастием с афф. *-ан*. Особое распространение эти причастия получили в языках кыпчакской группы. В языках огузской группы они фактически были вытеснены другими причастиями и сохраняются только в реликтах, приобретших значение прилагательных.

Из зарегистрированных общетюркских памятников определительные словосочетания с причастием на *-ан* мы находим в сочетаниях Абу-л-Гази хана Хивинского, в памятнике X–XII вв. "Подарок истин" и др. Ср. *Олтурган järkä сығышмадылар* 'Они не умещались на тех местах, на которых жили' [Кононов 1958, 139].

Зависимый член – причастие на *-ан/-йан*. Эта модель встречается в тюркских языках юго-западной группы. Ср. аз. *учан гуш* 'летающая птица', туркм. *гелйан адам* 'приходящий человек', но *гелен адам* 'пришедший человек', тур. *calışan adam* 'работающий человек' и т.д. Причастный афф. *-ан* существовал уже в общетюркскую эпоху. В языках кыпчакской группы он исчез. Сохранились лишь его рудименты, например: тат. *елан* (*йылан*) 'змея', *куян* 'заяц' (первоначально 'бегущий'). Продуктивным он остался в языках огузской группы.

Зависимый член – причастие на *-дык*. В роли чистого определения причастие на *-дык* встречается сравнительно редко, ср. туркм. *эжилмедик ер* 'незасеянная земля', гаг. *сурүлмедик ер* 'невспаханная земля'.

Определительные словосочетания на *-дык* зафиксированы уже в ранних памятниках древнетюркской письменности. Ср. Кюль-Тегин: *бардук järдä äдгүг ол äрiнч* 'и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего' [Малов 1951, 31, 39]; Тоньюкук: *јаһдуқ јолта јама өлти күк* 'На пути преследования (многие) еще, возможно, умерли' [Там же, 62, 66]; Кутадгу билик: *Kişi kirmädük älkä kirsä qaly* 'Если человек явится в неизвестную ему страну (или: в страну, в которой он еще не был)' [Там же, 250, 275].

Возникновение определительных словосочетаний с причастием на *-дык* можно отнести к праязыковому состоянию. Афф. *-дык* является результатом контаминации двух раннетюркских форм – *-ды* и *-к*. Их объединению способствовала и близость семантики. Исторически *-ды*, вероятно, имело перфектное значение. Такое же перфектное значение мог иметь и форматив *-к*. Не пытаясь определить значения составных элементов формата *-дык*, В. Котвич вместе с тем указывает на то, что *diq* образовалось от промежуточного варианта (т.е. *-ды*) путем присоединения суф. *-q*. [Котвич, 1962, 312].

Афф. *-дык/-тык* существовал уже в общетюркскую эпоху, о чем можно судить на основании наличия его в разных группах тюркских языков: тат. *калдык* 'остаток', *ястык* 'подушка', тур. *bidik* 'знакомый' и т.д.

Возможно, что уже в пратюркскую эпоху имена с афф. *-дык* имели причастное значение, а потому и была возможна сама модель словосочетания "причастие + существительное". Ср., например, тат. *ташландык* 'брошенный'. В дальнейшем произошло зональное расслоение. В кыпчакских языках имена с афф. *-дык* не получили особого развития. В огузских языках в течение определенного периода они были довольно продуктивными, но потом также вышли из употребления.

В ранних памятниках древнетюркской письменности встречаются определительные словосочетания с причастиями, представляющие собой производные образования от отглагольного прилагательного (причастия на *-ык*). Мы имеем в виду причастия на *-к*, *-еу*, *-ема*, *-елы*, *-е/ы(а)лак*. Ср. *basynuyma jayuy kälürir ärtim* 'повинующихся врагов я приводил'

[Малов 1951, 64, 69]: *Оза жаһа кәлигмә сүсін ағыт (т)ым* 'Войско (врага), которое начало нас обходить и побеждать, я прогнал' [Малов 1959, 17, 21].

Из современных тюркских языков такого рода словосочетания сохранились в сибирских языках. ср. тув. *бышкалак кат* 'еще не поспевшие ягеды' [ТРСл 1955, 677], шор. *қағуғур пәсәтқан ақ маңды иққан җерге җаба җетті* 'Угнанный белый скот и подданный народ и гнавшего (их) богатыря на том месте, где видел, догнал на том месте, где слышал, настиг' [Дыренкова 1940, 86–87], *парылак куштар* 'перелетные птицы' [Дыренкова 1941, 274].

Такого рода определительные сочетания нельзя отнести к праязыковому состоянию, поскольку редкое и непродуктивное их использование в современных тюркских языках и сохранение этих образований в сибирских языках в данном случае указывают на их зональный характер.

Зависимый член – причастие на *-мыш*. Ср. аз. *сынмыш ағач* 'сломанное дерево', тур. *tanıtış bankası* 'известный работник банка', гаг. *саваштырылмыш чифтчиләр* 'угнетавшиеся крестьяне'. Есть мнение, что афф. *-мыш* соответствует як. *быт: бүсүт бурдук* 'созревший хлеб', *охтубут мас* 'упавшее дерево', *байбыт колхоз* 'разбогатевший колхоз' [Харитонов 1947, 225, 226].

Определительные словосочетания с причастием на *-мыш* типичны для огузской группы тюркских языков, поскольку они свойственны преимущественно тюркским языкам юго-западной группы. Определительные словосочетания с причастием на *-ған* обычно встречаются в кыпчакских языках. Их можно отнести к периоду тюркской общности, так как во многих современных тюркских языках сохранились значительные реликты их распространения в виде определительных словосочетаний с отглагольным прилагательным на *-ған*.

Этого, однако, нельзя сказать в отношении определительных словосочетаний с причастием на *-мыш*. Можно предполагать, что сама форма на *-мыш* безусловно существовала в тюркском праязыке. Но была ли она распространена в определительных словосочетаниях, не представляется еще ясным. Во всяком случае, сохранившиеся ее реликты в языках Средней Азии и Поволжья указывают на ее существование в качестве словообразовательного аффикса отглагольных имен существительных. Ср. башк. *язмыш* 'судьба', тат. *тормыш* 'жизнь', узб. *турмуш* 'жизнь' и т.д.

Определительные словосочетания с зависимым членом – причастием на *-мыш* – зафиксированы в ранних тюркских памятниках [Батманов 1959, 92]. Ср. *ол төрү тә жууямыш қатары киши ләр адын ты лар муһатды лар* 'собранный в том судилище весь народ удивился и изумился' [Малов 1951, 157, 160].

Аффикс отглагольного имени *-мыш*, по-видимому, сложное образование и состоит из афф. *-ма(-ба) + -мыш*. Есть основания предполагать, что отглагольные имена с афф. *-ма(-ба)* и *-мыш* существовали уже в общетюркскую эпоху. Ср. туркм. *алма* 'взятие, получение', кирг. *башталма* 'начинание' и аз. *доғулуш* 'рождение', чув. *пәлтереш* 'значение'.

Зависимый член – причастие на *-р/-ыр/-ар, -мас/-мәс*. Данная модель встречается в различных ареалах тюркских языков. Ср. узб. *оқар сув* 'проточная вода', як. *билэр киһи* 'знающий человек', тат. *кайнар су* 'ки-

пяток', башк. *кайнар һыу* 'кипяченая вода и т.д. Она зафиксирована и в ранних памятниках древнетюркской письменности. Ср. *Калар* (или *калыр*) *эшим мой* 'оставшийся друг', *йедер тон* 'боевая одежда' [Батманов 1959, 94], *Bilig bilimāz kisi ol sobyǵ alyp, jazru barıy ũkūsh kishi öltig* 'И (вот) вы люди, не обладавшие (истиной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве' [Малов 1951, 28, 35].

Возникновение определительных словосочетаний с причастием на *-р* можно возвести к периоду пратюркской общности, поскольку причастие на *-р* обнаруживается непосредственно или в реликтовом виде во всех тюркских языках. Можно предполагать, что уже в общетюркскую эпоху оно широко употреблялось как причастие наст. и буд. времени, а также как отглагольное имя со значением названия процесса, носителя процесса или результата, ср. аз. *калыр* 'приход', узб. *букур* 'горбун'.

Некоторые причастия на *-р*, по-видимому, довольно рано превратились в прилагательные, оставив многочисленные реликты в современных тюркских языках, ср. тур. *akak* 'поток' (первоначально 'текущий'), аз. *jetar* 'достаточный', тат. *кайнар* 'горячий', чув. *хёсёр* 'тесный' (первоначально 'жмушый' <хёс 'жать') и т.д.

Почти во всех тюркских языках, за исключением якутского, причастия на *-р* в дальнейшем оказались непродуктивными. Они в большинстве случаев или заменялись инновациями, т.е. новыми причастиями наст. времени, или лексикализировались в форме прилагательных. Основная причина этого явления в том, что еще в общетюркскую эпоху причастие легло в основу наст.-буд. времени, или аориста. Стремление устранить омонимию форм причастий с формами 3-го лица аориста (наст.-буд. времени на *-р*) в немалой мере способствовало замене причастий на *-р* другими причастиями, его конкурентами, например причастием на *-ған*, *-ан*, отглагольным именем на *-чы*, которое в ряде тюркских языков приобрело значение причастия наст. времени.

В ряде тюркских языков причастие на *-ар* принимает афф. *-лык*. Ср. башк. *етерлек аш* 'достаточная еда'; ул *әйтеп бәтәрмәслек шат* (Эмири, 5) 'Это невыразимая радость'; каз. *Бізде сөйләсерлік нәрселер болады* 'У нас будет, о чем поговорить' [РКСл 1954, 60]; тат. *Биредә аяк басарлык та урын юк* (Даули 1959, 39) 'Здесь нет места, где бы можно было поставить ногу'.

Эта форма в тюркских языках имеет модальное значение возможности совершения действия. ср. тат. *басарлык урын* 'место, на которое можно поставить ногу'.

Зависимый член — причастие на *-ачаг*. Эта модель определительных словосочетаний распространена преимущественно в ареале южных тюркских языков и некоторых языках Средней Азии и Поволжья. Ср. тур. *Dayanasak halim kalmançtı* (Nesin 1958₁, 6) 'Я не в состоянии устоять'; туркм. *Оның дердиңе яражак ери бармы?* 'Есть ли место, которое вылечило бы его болезнь?' (разг.).

По происхождению афф. *-ачаг* является вариантом афф. *-чақ*. Происхождение элемента *-а* неясно. Поскольку афф. *-чақ* обозначал возможность или способность к чему-либо, то на этой основе у него позднее развилось значение буд. времени. Формирование афф. *-ачак* завершилось в огузской

зоне, откуда он распространился на некоторые северные языки. Изначально афф. *-чаг* был показателем причастия буд. времени.

Зависимый член — причастие на *-(y)чу/-(y)чи*. Этот тип определительных словосочетаний охватывает довольно большую зону тюркских языков: аз. *боғу жу бир исти* 'удушающая жара'; каз. *Жатақханада тұрушы студенттер күн сайын ертемен гимнастика жасайды* 'Студенты, живущие в общежитии, по утрам ежедневно занимаются гимнастикой'; кар. т. *Кетювчу ол йолларба лиетувич кёргозю камчусуба йолчусуна* 'Литовец, который едет по тем дорогам, показывая (это) своему спутнику' [Мусаев 1964, 38], кбалк. *джазуичу студент* 'пишущий студент'; ног. *Жашувды сонъга калдырувышы бир колхоз да болмавга керек* 'Необходимо, чтобы не было ни одного колхоза, отстающего с севом' [НПСл. 1963, 532]; тур. *Yaşlıydı ama, hiç de gerici, tutucu bir insan değildi* (Nesin 1962, 32) 'Он был пожилой, но он совсем не был отсталым, консервативным человеком'.

Афф. *-чы/чу* с его различными вариантами имеет довольно широкое распространение во всех современных тюркских языках. Он был также распространен и в памятниках древнетюркской письменности. Это обстоятельство заставляет предполагать о его существовании уже в общетюркскую эпоху. Однако значение у него было другим. Первоначально он был аффиксом прилагательных, обозначавших склонность к чему-либо, ср. туркм. *адамчы* 'кусачий', тур. *inatçı* 'упрямый', хак. *уйкучы* 'сонливый', шор. *урушчы* 'драчливый'. На этой основе у него возникло во многих тюркских языках значение причастия наст. времени, вследствие чего сильно увеличилась частотность употребления причастия на *-чи* + имя существительное.

Зависимый член — причастие на *-(a)туғын/-(a)дығын*. Его фонетически трансформированным вариантом является, вероятно, и *-(a)тын*. Ср. каз. *келетін кісі* 'человек, который должен прийти' [СКЯ 1962, 323]; кар. т. *Йалангач сарғарадогон тэрлавлар* 'голые желтеющие степи' [Мусаев 1964, 307]; ккалп. *Бизге қатнастағуғын адам керек* (Сейтназаров, 10) 'Нам нужен человек участливый'; ног. *окыйтаган кыз* 'читающая девушка'; узб. *Сўздан қайтмайдиған адам* (Рашидов 1958, 258) 'Человек, не отказывающийся от своих слов'; уйг. *көридиған кино* 'фильм, который стоит посмотреть' [Наджиб, 1960, 91].

Вероятно, образования на *-туғын, дыған, таған* представляют специфические причастные формы от вспомогательного глагола *тур-* 'стоять'. Ср. аналогичное причастное образование в татарском языке типа *ала торган* 'берущий'.

Рассмотренные выше словосочетания не могут быть отнесены к языковой плоскости, поскольку они имеют зональные ограничения.

Зависимый член — причастие на *-асы*. Фактически причастие на *-асы* является причастием буд. времени, ср. тат. *без барасы юллар* 'пути, по которым мы пойдем'; башк. *киләһе йыл* 'будущий год' (букв. 'год, который наступит'); аз. *тикиләсә ес* [АГ 1960, 212] 'дом, который будет построен'; тур. *Çok şaşılacak bir şey* (Nesin 1962, 12) 'Очень удивительная вещь'.

Наличие афф. *-асы* в разных группах тюркских языков позволяет отнести его существование уже в общетюркскую эпоху, когда он был более широко распространен. Позднее он, по-видимому, в ряде языков исчез.

В чувашском и в некоторых диалектах татарского языка афф. *-асы* служит для образования инфинитива, ср., например, чув. *килес* 'приходить', *пулас* 'быть' и т.д.

Зависимый член – причастие на *-малы*: аз. *Ахумалы китаб* [АГ 1960. 213] 'Книга, которая должна быть прочитана'; туркм. *Столың устине йемели затлар етераик гетирилип гоюлынды* (Сарыханов 1961, 62) 'На стол принесли в изобилии кушания; чув. *каймала сын* 'человек, который должен ехать'. Первоначально адъективный афф. *-лы* передавал значение возможности, ср. тат. *алымалы* 'съемный', т.е. 'такой, что его можно снять'. Затем на базе этого значения развилось значение долженствования.

В тюркских языках наблюдаются случаи перехода древних причастий в прилагательные. Сюда относятся прежде всего определительные сочетания с прилагательными на *-к/-қ/-ε* с их фонетическими вариантами *-ик/-ыг, -аг/-ок* и т.п. Эти прилагательные встречаются в тюркских языках различных ареалов. Ср. аз. *боьуг сас* 'сиплый голос', гаг. *чүрүк алма* 'гнилое яблоко', каз. *тунык су* 'прозрачная вода', тур. *buzuk şarap* 'испорченное вино', узб. *очиқ китоб* 'раскрытая книга', ног. *ширик алма* 'гнилое яблоко' и т.д.

Определительные словосочетания с прилагательными на *-к/-ε* восходят к глубокой древности и вполне могут быть реконструированы в праязыковое состояние. Находя универсальное употребление во всех тюркских языках, они зарегистрированы и в ранних памятниках древнетюркской письменности. И.А. Батманов указывает на образования с *ε/-к* как непродуктивные уже в орхоно-енисейский период: *ТьыРьГь* (= *тириг*) 'живой', *КТТ* (*-катыг*) 'твердый, жесткий' [Батманов 1959. 69]. Последние свидетельствуют о том, что образования с *ε/-к* старше периода орхоно-енисейских памятников.

Можно предполагать, что в эпоху тюркского праязыка существовали отглагольные прилагательные на *-ык/-ик*. Их можно было бы назвать причастиями, но они существенно отличались от тех причастий, которые существуют в современных тюркских языках. Они не выражали ни времени, ни залогов и обозначали только какое-нибудь качество действия, чаще всего результативность. Эти древние отглагольные прилагательные оказались неустойчивыми – они превращались в существительные или прилагательные с пассивным значением типа *ачык* 'открытый', *сынык* 'сломанный' и т.д. Такого же происхождения прилагательные типа узб. *ёзма* 'написанный', тат. *кушма* 'сложенный', тур. *yarma* 'расколотый' и т.д., прилагательные на *-кан* или *-кын* типа аз. *чалышган* 'старательный', тув. *ырхан* 'худой', тур. *dövüken* 'драчливый', туркм. *ергин* 'расплавленный', аз. *кагшин* 'острый' и т.д.

ИЗАФЕТ

Изафет в тюркских языках является частным случаем определительных словосочетаний. Этот тип отношений между двумя именами пронизывает всю структуру тюркских языков, являясь как бы ключом к пониманию многих синтаксических категорий. В тюркологических исследованиях изафету уделялось немало внимания, однако нельзя признать, что природа тюркского изафета достаточно раскрыта. Особенности этого типа синтаксических отношений кроются не только в его своеобразной природе, выходящей за рамки всех прочих атрибутивных отношений, но и в его нестандартном по-

ведении в отдельных тюркских языках. Изафет как особая полноправная синтаксическая категория легко объяснима, если принимать во внимание общие типологические черты тюркских языков.

Как и всякая определительная группа, изафет строится, подчиняясь ведущему закону агглютинативного строя тюркских языков – закону порядка слов “определение + определяемое”.

Целый ряд существующих в тюркологической литературе определений сущности изафета обычно основывается на том или ином присущем ему свойстве, но не охватывает всей категории в целом. С.С. Майзель в своей книге, посвященной турецкому изафету, пишет, что “турецкий изафет представляет собой такое сочетание двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном падеже, является определением и одновременно дополнением к другому своему определяемому и одновременно дополняемому” [1957, 13]. Если можно согласиться с этим положением, отражающим один функциональный признак изафетных сочетаний, то трудно полностью согласиться с другим положением С.С. Майзеля: “Изафет – показатель субстантивности членов, а не адъективности” [Там же, 17]. Как будет показано ниже, в 1-м типе изафета (тур. *demir yol* ‘железная дорога’) имеет место известная адъективизация. А.К. Боровков в статье “Природа турецкого изафета” усматривает его характерные особенности в том, что в сочетании существительных исторически дана и форма словообразования, форма образования новых понятий через посредство абстрагирования предметного свойства как существенного, определяющего новую природу уже известного в практике предмета. Ср. кбалк. *ağaç koyan* ‘белка’ (букв. ‘дерево заяц’), *alma tereq* ‘яблоня’ (букв. ‘яблоко дерево’), *burun teñiq* ‘ноздря’ (‘нос дыра’). Таким образом, как замечает А.К. Боровков, сочетание существительных включает в себя момент словообразования [1935, 169, 170].

В ряде грамматик по тюркским языкам изафет понимается слишком широко. Под него подводятся обычно типы определительных словосочетаний. Ср. аз. *jaxшы адам* ‘хороший человек’, *узун ип* ‘длинная веревка’, *узак юл* ‘далекий путь’, кирг. *беш окуужу* ‘пять учеников’, тур. *17 defter* ‘17 тетрадей’.

Для того чтобы четко отграничить изафет от обычных типов словосочетаний, необходимо определить его содержательную сторону. Изафет – это такая определительная группа, в которой определяемое, будучи всегда выраженным именем существительным, определяется с точки зрения его принадлежности к другому предмету или различных форм отношения к нему.

Традиционная грамматика обычно выделяет три типа изафета, на классификационном признаке выделения которых останавливаться излишне. Однако характер этих типов в плане их отношения к самой категории изафетных сочетаний весьма неоднороден. Классификация изафета может происходить в двух аспектах: 1) рассматривать изафет только с формальной стороны как сочетание двух существительных; этот аспект выдерживается во всех существующих до сих пор тюркологических работах; 2) учитывать и содержательную сторону, т.е. сочетать грамматический аспект с логическим.

1-й тип изафета. Примеры: тат. *агач өй* 'деревянный дом', *таш күмер* 'каменный уголь', башк. *ағас өй* 'деревянный дом', *ком түбә* 'песчаный холм', аз. *ағая гашиыг* 'деревянная ложка', *дамир гапы* 'железная дверь', кирг. *суу кир* 'мокрое белье', *жер май* 'керосин', узб. *олтин соот* 'золотые часы', *шойи рўмол* 'шелковый платок', кум. *гуз кьап* 'мешок с солью', *гюмюш сагьат* 'серебряные часы', туркм. *йуң жоран* 'шерстяные носки', *йүпек көйнек* 'шелковая рубашка', тур. *balçık yol* 'грязная дорога', *gütlük para* 'серебряные деньги', хак. *күмүс самнах* 'серебряная ложка', *тас тура* 'каменный дом', тув. *алдын шак* 'золотые часы', *даш бажың* 'каменный дом', як. *алтан солуур* 'медный котел', *тимер орон* 'железная кровать', чув. *чул сурт* 'каменный дом', *тимер алк* 'железная дверь', ног. *алтын юзик* 'золотое кольцо', *тас коемир* 'каменный уголь' и т.д.

1-й тип изафета имеет только терминологическое значение, поскольку первый его член может быть настолько адъективизирован, что фактически данный тип изафета представляет собой чисто адъективизированные словосочетания. Отсутствие грамматического оформления аффикса принадлежности у второго члена мотивировано. От существительного здесь отвлекается признак, который характеризует предмет не с его качественной стороны, а в отношении с другим предметом. Ср. аз. *дамир гапы* 'железная дверь', *ағая гашиыг* 'деревянная ложка'.

Адъективизированная природа первого члена изафетного сочетания 1-го типа доказывается и возможностью раздвижения его словом *бир*. Ср. аз. *гранит бир кулгә кими* (Ибрагимов 1966, 23) 'как гранитный массив' (по аналогии *јахишы бир адам*). Первый член в такого рода изафетных сочетаниях настолько адъективизировался, что о его именной природе можно говорить лишь в историческом плане.

Семантическое изменение произошло у имени существительного, выступающего в изафетных сочетаниях на правах нумеративного слова. Ср. кирг. *стакан суу* 'стакан воды', где первый член, выражая меру, приближается по своей семантике к числительному.

Адъективизированная природа определения, обозначающая состав, вещество, материал, ярко проявляется при его переносном значении. Ср. аз. *даш үрәк* 'каменное сердце', каз. *алтын нур* 'золотой луч', тат. *Куркак син, куян йөрәк!* (Еники 39) 'Трус ты, заячье сердце!' и т.д.

Как известно, употребление 1-го типа изафета связано с определенными семантическими условиями. Для всех тюркских языков общим является то, что определение должно указывать на: 1) состав, вещество или материал, из которого сделано определяемое, ср. алт. *Кабай бүктен, јазап јытлар. Чар терезини бүрген. Чуу јазап јытлар. Алтын тонду алынтап. Мөңүн тонду күлүктөр* (Алтын-бизе, 75) 'Изгибают, люльку делают. Из бычьей шкуры. Пеленки делают. В шубах золотых силачи. Молодцы в серебряных шубах' (Алтын-бизе, 17); кирг. *болот калем* 'стальное перо', ног. *темир йол* 'железная дорога' и т.д.; 2) меру, размер, форму и проч., ср. каз. *Отар-отар қойлар менен үйір-үйір жылқылар* (Сланов, 3) 'Отары овец и косяки лошадей', туркм. *Доклад үшін сизе нәче минут вагт герек?* (Гурбансахедов, 252) 'Вам для доклада нужно сколько минут времени?'; 3) профессию, специальность, официальные звания, титулы, ученую степень, принадлежность к определенному полу, положение, прозвище, собственные имена, топонимы и проч., ср. туркм. *Наме, доктор гыз билген кайши айдимми?*

‘Почему ты поссорился с девушкой-доктором?’, как. *Хасхар тас тагнынъ олыннанъ койлар чазыыр инчелер* ‘С каменной горы Хосхар по долине спускаются в степь овцы’ [ХРСл. 1953, 478], чув. *Настя маттур* ‘Красавица Настя’ [Ашмарин 1903, 2], тюркские памятники: Кюль-Тегин: *Kül tigin kon жылка йти јагирмикә учды* ‘Кюль-Тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день’ [Малов 1951, 33, 43] и т.д.

Целый ряд семасиологических условий употребления изафета I в разных тюркских языках дает неодинаковую картину.

Значения собственных имен, географических названий, а также и национальной принадлежности передаются по I и 2-му типам изафета. Ср. значение национальной принадлежности, которое на правах определения дает в большинстве тюркских языков 2-й тип изафета, а в кумыкском, тувинском и древнетюркских памятниках обычен 1-й тип изафета, ср. кум. *кэумукъ тиль* ‘кумыкский язык’ [Дмитриев 1940, 181], кбалк. *ана литература* ‘родная литература’, тув. *тыва улус* ‘тувинский народ’ и т.д.: памятник в честь Тоньюкука: *Toquz oñuz bidun üzä qağan olırtu* ‘Над народом токуз-огузов воссел каган’ [Малов 1951, 61, 65]; Кюль-Тегин: *Он ок будун әмгәк көртти* ‘Народ “десяти стрел” подвергся притеснению’ [Там же, 30, 38].

В некоторых современных тюркских языках встречаются такие изафетные сочетания, как аз. *рус машинист*, каз. *шет тил* ‘иностранный язык’. Употребление 1-го типа изафета в тех случаях, когда параллельно употребляется и 2-й тип, свидетельствует, в частности, о том, что процесс адъективизации сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя принадлежности или соотнесенности предметов-субстантивов.

В кумыкском языке вообще очень слабо разграничиваются I и 2-й типы изафета. Сплошь и рядом в газетах одно и то же выражение встречается в двух вариантах. Ср. *сайлов участкалары* и *сайлав участкалары* ‘избирательные участки’. Очень часто изафет I в кумыкском языке употребляется в таких случаях, где в других тюркских языках мог бы быть изафет II, ср. *юрт хозяйство* ‘сельское хозяйство’, *кэумукъ кыз* ‘кумыкская девушка’, *тав өзен* ‘горная река’, *колхоз базар* ‘колхозный базар’, *ишчи гюч* ‘рабочая сила’ и т.д. По-видимому, в таком же положении находится и карачаево-балкарский язык, ср. *сабий сад* ‘детский сад’, *джер юй* ‘земляника’, *кэабырга газет* ‘стенная газета’, *тау өзен* ‘горное ущелье’.

Кроме того, в целом ряде тюркских языков есть изафетные сочетания с настолько адъективизированным первым членом, что они приближаются к словосочетаниям. Ср. аз. *чәкмә тикән* ‘сапожная лавка’, каз. *ай жарык* ‘лунное освещение’, кум. *Мен шу адамны партизан отрядда сама гёрмедим микен?* (Ягътияев, 9) ‘Я разве сам не видел этого человека в партизанском отряде?’, тат. *Берсе күрше авылда өйләнен йөри* (Еники, 51) ‘Один бродит в соседней деревне’, татары западной и юго-западной части БАССР: *кәчтеруд каплач* (вм. литер. *кастрюль капкачы*) ‘крышка кастрюли’, *губә такта* (вм. литер. *губә тактасы*) ‘поголочные доски’, *трамбай юл* (вм. литер. *трамвай юлы*) ‘трамвайная линия’ [Афлетунов 1961, 6]; тув. *куш ажыл* ‘физический труд’ [ТРСл. 1955, 44]; туркм. *мораль тербие* ‘моральное воспитание’, уйг. (хамийское наречие) *адәм тил* ‘человеческий язык’ [Малов 1954, 112] и т.д.

Определения могут быть выражены целыми словосочетаниями. Ср. каз.

Сол жақ қабырғада, ескілеу ағаш кереуетте Анна жатыр (Сейфуллин, 23) 'С левой стороны у стены на старой деревянной кровати спит Анна'; тат. *Без Шамил белән уң як дозорда барабыз* (Эпсәләмов 1953, 120) 'Мы с Шамилем идем в дозор с правой стороны' (букв. 'правая сторона в дозоре').

1-й тип изафета встречается в тех случаях, когда по всем семантическим условиям должен быть употреблен 3-й тип. В основном эти случаи зарегистрированы в ранних памятниках древнетюркской письменности. Отчасти это можно объяснить и древностью 1-го типа изафета, техническим удобством выражать отношения между словами синтаксическими средствами в условиях, когда морфологические показатели еще недостаточно утвердились. Ср. Кюль-Тегин: *Äpiġ jiptä* 'В месте дорожной остановки' [Малов 1951, 28, 35]; Золотой блеск: *M(ä)n boñuq j(a)rtuq qä tägip, ol balyq tyn ündüt* (чит. *üntüt*) 'Получив приказ об освобождении, я вышел из этого города' [Там же, 157, 160]; Кутадгу билиг: *Qulñapaz öziñ bi qatıy ü işin* 'Я не могу сам выолнить все дела народа' [Там же 242, 271] и т.д.

Спорадически такие факты употребления изафета I наблюдаются в отдельных современных тюркских языках: алт. *Мал кабырчы ла кой кабырчы Ак тайганын кырына чыгып...* (Алтын-Бизе, 18) 'Пастух коней и пастух овец, поднявшись на вершину белой горы...'; узб. *Қишлоқ томонда яца чанг кўринди* (Қаҳҳор, 9) 'В направлении деревни опять показалась пыль'.

Изафет I по семантическим условиям 3-го типа употребляется в тех случаях, когда входит в группу предиката. Предикат всегда предполагает категориальность, известную долю неопределенности. Существительное в подлежащем конкретнее существительного в предикате. Таким образом, свойство предиката как бы разрушает изафет. Это наблюдается на материале памятников древнетюркской письменности — Гадательная книжка: *Qara jol täpři män* 'Я черное божество судеб' [Малов 1951, 83, 90].

По всей видимости, изафет I является наиболее древним типом изафета. С полным основанием можно предполагать, что изафет I в тюркском языке был широко распространен. В пользу такого предположения могут быть приведены следующие аргументы.

В тюркских языках и в настоящее время встречаются тесно связанные комплексы слов, построенные по схеме 1-го типа изафета. В них — способом связи слов является примыкание. Эти сочетания осознаются как сложные слова, выражающие одно понятие, ср. башк. *куян арба* 'таратайка' (букв. 'заяц арба'); *баш як* 'изголовье' ('голова край'); *кайыш бау* 'ремень' ('ремень веревка'); кбалк. *ағад коуан* 'белка' ('дерево заяц'); *айта тереқ* 'яблоня' ('яблоко дерево'); *биғиш тешиқ* 'ноздря' ('нос дыра'); уйг. *таш йол* 'шоссе' ('камень дорога'); тат. *карга борын* 'клещи' ('вороний клюв'), *башқала* 'столица' ('главный город'); ног. *атишабыс* 'скачки' ('бег лошадей'), *белбав* 'пояс'; кирг. *тамыр аял* 'любовница' ('корень жена'), *өмүр баян* 'биография' ('жизнь рассказ'); алт. *орус поэт* 'русский поэт', *алтай јон* 'алтайский народ'; кар. *бис бармак* 'большой палец'; кум. *базар гюн* 'базарный день', *кьол сагьат* 'ручные часы'; ккалп. *жылан жыл* 'год змеи' ('змея год'), *анишы ийт* 'охотничья собака' ('охотник собака'); кум. *базар гюн* 'базарный день' ('базар день'), *кьол сагьат* 'ручные

часы' ('рука часы'); туркм. *ердемир лемех* ('земля железо'), *гунбатар занал* ('солнце заход'); чув. *акатуй* 'праздник весеннего сева' ('плуг праздник') и т.д.

Позднее изафет I стал выпесняться изафетом II, вследствие чего произошло сильное сокращение сферы его употребления во всех тюркских языках. Он стал употребляться преимущественно в тех случаях, когда первый его член представлял название какого-либо вещества или материала. Значительную частотность 1-го типа изафета следует рассматривать как остаток прежнего состояния.

Коллокация двух имен существительных посредством простого примыкания создает благоприятные условия для адъективизации первого члена такого сочетания. В данном случае от имени существительного отвлекается признак и первый член сочетания получает значение относительного прилагательного, например тат. *таш өй* 'каменный дом' ('камень дом'). Такое явление нередко наблюдается и в других языках, ср. коми-зыр. *вөр туй* 'лесная дорога', удм. *ку сапег* 'кожаный сапог' и т.д.

2-й тип изафета. Отличительным признаком 2-го типа изафета в тюркских языках является наличие притяжательного аффикса 3-го лица у второго члена изафетной конструкции, ср. тур. *пйрк язари* 'турецкий писатель', *дениз яalisi* 'берег моря'; хак. *тае пазы* 'вершина горы', *чон чаргызы* 'народный суд'; кирг. *куш жолу* 'млечный путь', *август ортосу* 'середина августа'; чув. *Совет сёршывё* 'Советская страна', *писатель аймё* 'жена писателя', уйг. *уйгур халқи* 'уйгурский народ'; аз. *дәниз саһили* 'берег моря', *әдәбијат дәрси* 'урок литературы'; кбалк. *жаз башы* 'начало лета'; кум. *гъава флоту* 'воздушный флот'; тув. *дун ортузу* 'полночь', *өрге уктуру* 'суслицья нора'; башк. *ял йорто* 'дом отдыха', *йылга башы* 'исток реки'; тат. *грек халкы* 'греческий народ', *каен урманы* 'березняк'; ног. *ис орны* 'рабочее место', *карлыгыш уясы* 'ласточкино гнездо'; кар. *ай йарыгы* 'свет луны'; алт. *орман тавугу* 'глухарь' (букв. 'лесная курица'); як. *тыа ылыга* 'лесная тропа' и т.д.

Согласно традиционному в тюркологической литературе определению, первый член 2-го типа изафета выражает неопределенное родовое понятие. Наиболее точно это сформулировано у Н.К. Дмитриева. Башкирское определение-существительное по-русски воспринимается как относительное прилагательное. Только это прилагательное не обозначает вещество как материал, а указывает на то, к какому коллективу или к какой категории относится определяемое. Таким образом, *кала баксаһы* есть такой сад, который типичен для всех городов вообще в противоположность, например, деревенскому саду [1948, 226]. Однако и это употребление требует некоторых уточнений. Употребление изафета II вызвано различными семантическими условиями. Представляется возможным выделить из них следующие.

1. Первый член изафета означает родовое категориальное понятие, которое точно не определено. Ср. тув. *Эжишкилер найыралы эрпине дагны гургуз ар* 'Дружба людей гору сокровищ создает' (Тыва домак. 22, 29); тур. *Burnuma mis gibi kepar kokulari geldi* (Nesin 1962, 6) 'До моего носа донесли прекрасные запахи шашлыка'; туркм. *Коммунистик захмат бригадасы диен ады этишкек гөр нэхили шатлык дөредйар* (Маммадов, 6) 'Звание бригады коммунистического труда вызывает радостное (чувство)';

узб. *Найманча азалдан косиблар маҳалласи* (Мухтор, 5) 'Найманча – издавна квартал ремесленников'; тюркские памятники – енисейск. *äl tōrūcū 'законы государства'* [Малов 1952, 26]; Тоньюкук: *Budun boʻzu toq ärti 'Горло народа было сыто'* [Малов 1951, 60, 61] и т.д.

2. Изафет II может вполне выражать конкретное, определенное соотношение предметов (совпадая по функции с изафетом III). Это может объясняться принципом экономии, ослаблением аффиксального режима, стремлением избежать плеоназма и др. Ср. аз. *О жун бизим учун набар күну гадәр азиз, илк көрүш дөгигәси гадәр ширин иди* (Ибрахимов 1958, 16) 'Тот день был для нас приятен, как минута первого свидания'; ккалп. *Саат II де райком бюросына шақырынты* (Сейтназаров, 53) 'В одиннадцать часов его послали на бюро райкома'; тат. *Агач күләгәләри ул* (Әпсәләмов 1953, 99) 'Это тени деревьев'; тур. *Aradan iki üç gün geçince hütün gemi halki cociğa gönül bağlamıştı* (Halikarnas, 42) 'Прошло только два-три дня с тех пор, и все люди на судне (букв. весь народ судна) привязался к ребенку'; узб. *Зангори кема капитани* 'Капитан голубого корабля'; тюркские памятники – енисейск. *яқыра тәгмиш сү тәңи ја́ти бин оҗлан әрті* 'количество войска, выступившего против врага, было семь тысяч молодых людей' [Малов 1952, 49]; Гадательная книжка: *Тәңри күсиңә* 'По могуществу неба' [Малов 1951, 49, 81] и т.д.

Помимо простых технических причин опущения род. падежа у первого члена изафетного сочетания во избежание плеоназма, есть и целый ряд других факторов, способствующих этому процессу.

Первый член изафета обычно выступает без аффикса род. падежа, если он входит в предикативную группу. Предикация в данном случае ослабляет, как бы разъедает определительные отношения – Гадательная книжка: *Kikik oʻyut tән* 'Я детеныш оленя' [Малов 1951, 83, 89]; Памятник из Суджи (Монголия): *Mән quthuq baya tarqan ögә büñuqu tән* 'Я огя-буюрук (приказчик, приказный) счастливого бага-тархана' [Там же, 76, 97].

Изафет II употребляется и при указании на конкретное лицо – обладателя чего-либо, а именно в случае употребления в качестве первого члена имен собственных, географических названий, когда естественнее было бы иметь изафет III. Ср. аз. *Буря Илич бухтасыдыр* 'Здесь бухта Ильича' (Аз. гадыны); тат. *Май башы иде* (Еники, 91) 'Было начало мая'; чув. *Байкал хёрринче пулаçсем пурянакан ялсем тәсәлса лараçсә* (Уйһап, 15) 'На берегу Байкала тянутся деревни, населенные рыбаками'; тюркские памятники – в честь Тоньюкука: *Он оq qatану јауутуз әрті* 'Каган (народа) "десяти стрел" был нашим врагом' [Малов 1951, 62, 66]; енисейск. *Байна Сақун оғлы Күбүг Чур* 'Я сын байна Сангуна, именитый Чур (Колюг Чур)' [Малов 1952, 22, 23] и т.д.

Изафет II в большинстве тюркских языков передает один из видов русского приложения, а также встречается в названиях учреждений, должностей и т.д., употребляясь чаще в официальном языке и языке газет. Ср. башк. *Артка боролорға һәм буран басылғансы Якты тау ауылында привал яһарға туры килер* (Әмири, 12) 'Повернуть назад и, до того как утихнет буран, сделать привал в деревне Якты-тау'; туркм. *Олар Челекен районнының Гарагөл обасында отуряр-дылар* (Кәрбабаев, 9) 'Они жили в деревне Гарагөл Челекенского района'; чув. *Улан Удә Селенга шывй хёрринче ларат* (Уйһап, 15) 'Улан-Уде стоит на реке Селенге'.

3. Связь между членами изафетного сочетания идет по линии объекта (объектных отношений). Ср. аз. *Катерла даниз кэзинтисина чыхырлар* (Аз. гадыны) 'Выехали катером на прогулку по морю'; каз. *Терезеден тау көринісі көзге шалынатын* 'Из окна открывается вид на горы' [РКСл. 1954, 76].

4. Отношения между членами изафетного сочетания иногда понимаются очень широко. Ср. аз. *Мəһаммад һасан ами кетмак тәдәрукүндәдир* (МН. 14) 'Дядя Мамед Гасан собрался уходить'; тур. *Kendi kendine söylenmek itiyadını ele aldı* (Sabahattin 1956, 60) 'Он приобрел привычку говорить сам с собой'. В русском языке такой изафет может соответствовать словам, взятым в кавычки. Н.К. Дмитриев такие отношения членов изафета называет редакционно-стилистическими [1948, 26]. Ср. аз. *Журұлтулу өз гызгын "ура" сөси атрафа яйылыр* (Ибрахимов 1958, 4) 'Звуки шумного и горячего "ура" распространяются вокруг'; башк. *юк яуабы* 'ответ "нет"' [Дмитриев 1948, 226]; тур. "*Gidelim / " kelimesi çıktı* (Sabahattin 1956, 61) 'Обронулось слово "пошли"'; туркм. *Ондан соң болса "гыз гачды" диең хабары обаның ичине яйратмакчы болуп* (Сарыханов 1951, 30) 'Затем в деревне распространился слух о том, что девушка сбежала'. Как видно из приведенных выше иллюстраций, изафет II здесь стал только средством связи, сближаясь с иранским типом изафета.

5. Как и в иранских языках, изафет II может соединять с именем существительным адъективизировавшийся признак. Ср. аз. *Орду маркаларина кэлмишдир* (Сарыханов 1951, 30) 'Он вступил в ряды армии'; кбашк. *Иш кылыгызы билмеген, ит ыйлыгы кёрюр* 'Тот, кто положение дела не знает, собачью участь увидит' [МБД 1962, 78]; туркм. *Партия йыгнагындан наме учин горкярысың?* (Кербабаяев, 149) 'Почему ты боишься партийного собрания?'; узб. *Балтабой район марказидан келяпти* (Шарипов, 5) 'Болтабой приезжает из районного центра'.

Адъективизированными по своей природе являются и изафетные сочетания, в которых первый член выражает родовую национальную принадлежность. Ср. аз. *Эрб дәрсини тамам аламаммиш . . .* (МН. 9) 'Не закончив урок арабского языка. . .'; каз. *авар гили* 'аварский язык'; тат. *татар вичеларе* 'татарские рабочие'; уйг. *Уйгур халки* 'уйгурский народ'; хака. *Хакас гили* 'хакасский язык' и др.; памятник в честь Кюль-Тегина: *Түрк огуз бағләрі будун әсідүң!* '(О вы) тюркские (и?) огузские беки и народ, слушайте! [Малов 1951, 30, 39].

Говоря об употреблении изафета II, следует учитывать его особенности по отдельным тюркским языкам. Так, например, в якутском языке изафет семантически довольно ограничен и выражает преимущественно отношение определяемого к определению по признаку принадлежности: *киһи ата* 'лошадь человека', *дыиз аана* 'дверь дома', *гыал гыаһа* 'шум ветра', и совершенно невозможны изафетные конструкции, встречающиеся в других тюркских языках. Ср. каз. *қус фермасы* 'птичья ферма', узб. "*Правда*" *газетаси* 'газета "Правда"', туркм. *Небит чүйшеси* 'бутылка из-под керосина' [Убратова 1950, 54]. Объясняется это прежде всего тем, что в якутском языке нет род. падежа; в нем, как это показывает и семантика прямого дополнения в неоформленном падеже, категория определенности не играет такой роли, какую она играет во многих тюркских языках. В якутском языке определение всегда выражает конкретного обладателя,

будь то лицо или предмет: *киһи ата* 'имя человека' (Там же. 40). Материал якутского языка подтверждает выводы К. Грёнбека о слабом развитии род. падежа в древних тюркских языках и о том, что эта категория стала падежной позднее в связи с развитием категории определенности.

Изафет как способ связи слов в предложении используется в якутском языке при сочетании определения и определяемого. Он является способом выражения подчинительных отношений в сложноподчиненном предложении. Ср. *Мин суруйбут киһим* 'Мой написавший человек' - 'человек, которому (про которого) я написал'; *Кирисааннаах кирибит сирдэрэ икки киһи олохоругар* 'Место, куда вошли Кирисаан и его спутник (букв.: кирисаанские), было широким, так что довольно пригодным для того, чтобы сидеть двум человекам' [Убрятова 1950, 45, 46].

В кумыкском языке очень трудно провести смысловое разграничение между изафетами I и II. Для кумыкского языка изафет I является наиболее типичным. Изафет II употребляется, по-видимому, реже, и говорящий по-кумыкски охотнее склоняется к изафету I, который он воспринимает в том же значении, что и II [Дмитриев 1940, 181].

В чувашском языке, напротив, наиболее распространен изафет II. Ср. *чăваш чĕлхи* 'чувашский язык', *вăрман хуçалăхĕ* 'лесное хозяйство', *литература вечерĕ* (букв. 'литература вечер-её') 'литературный вечер', *чие варейниĕ* 'вишневое варенье' [Дмитриев 1955, 122]. Он употребителен также в случае, если первый член выражает название материалов, из которых сделан определенный предмет: чув. *пилеш хулли* 'рябиновый прут', *вĕрене вутти* 'кленовые дрова', *кăнтар çăвĕ* 'конопляное масло' [Ашмарин 1903, 95]. По типу изафета II оформляются в чувашском и словосочетания, в которых первый член выражен названиями рек, озер, городов, собственными именами и проч.: *чăваш халăхĕ* 'народ чувашей' [Ашмарин 1903, 5].

Изафет II, по-видимому, уже существовал в раннем периоде общетюркской праязыковой общности задолго до возникновения род. падежа. Об этом прежде всего свидетельствует якутский язык, в котором есть изафет II, но нет (точнее, имеются только зачатки) род. падежа, а также тотальная распространенность изафета II во всех тюркских языках.

Что касается первоначальных значений изафета II, то выражение принадлежности, по-видимому, было его первоначальным значением. Для доказательств этого положения можно привести следующие аргументы:

1) в структуре изафетного сочетания наличествует притяжательный аффикс 3-го лица;

2) в якутском языке изафет II выражает преимущественно отношение определяемого к определению по признаку принадлежности: *киһи ата* 'лошадь человека', *киһи дыһытэ* 'лошадь человека';

3) во всех тюркских языках имеются факты употребления изафета II для выражения вполне определенного соотношения предметов: чув. *атте лаши* 'лошадь отца' [Ашмарин 1903, 24]; показательны также случаи употребления изафета при указании на конкретное лицо - обладателя чего-либо: аз. *Илич бухтасы* 'бухта Ильича'; кбалк. *Хасан кызы* 'дочь Гасана'; каз. *Колчак аскері* 'армия Колчака'.

4) выражение отношений по признаку принадлежности сохранилось в особом разряде изафета, образованного по модели тат. *анам хаты* 'письмо моей старшей сестры'; ср. ранние тюркские памятники - Кюль-Тегин:

Bizim sü üty turuk 'Коня нашего войска были тощи' [Малов 1951, 32, 41]; енисейск. *Aim ožurunta* 'В жизни моего государства' [Малов 1952, 26]; Гадательная книжка: *Tanum tüsi taqy tükämäzkän* 'Добыча для моего тела совсем не истощится' [Малов 1951, 80, 85] и т.д.

Таким образом, выражение родовой категориальности не могло быть первичным значением у изафета II. Последнее значение развилось на базе основного значения, связанного с выражением принадлежности. Изафет II дает цепь семантических переносов. Как можно было заметить, значение родовой категориальности дало почву для сильной адъективизации. В сочетаниях типа *рус кызы* изафет фактически стал только средством связи, но не показателем принадлежности. В кумыкском языке при адъективизации нет связующего средства (наподобие обычных определительных словосочетаний). В языках же типа татарского (ср. *tatar tele* 'татарский язык') в виде пережитка сохраняется афф. «е. Наконец, расширяя семантические условия своего употребления, изафет приближается к средству простой связи. Такова эволюция семантического развития изафета II.

Что же касается структуры построения изафета II, то он, так же как изафет I, сопротивляется раздвижению. В случае распространения определяемого несколькими определениями определение, которое составляет с ним изафет, располагается в непосредственной близости от него. Ср. туркм. *Garly gyň gijesi* 'Снежная зимняя ночь'; узб. *Москвадан келган "25 минчи" ишчи коммунист ёрдами билан 1930 йилда Работ қишлоғида биринчи бўлиб колхоз тузди* (Шарипов, 12) 'С помощью рабочих-коммунистов 25-тысячников, прибывших из Москвы, в 1930 г. в кишлаке Работ был создан первый колхоз'.

Появление 2-го типа изафета в тюркских языках может иметь различные причины. Прежде всего изафет II возник как средство преодоления недостатков изафета I. Изучение истории разных языков совершенно определенно свидетельствует о том, что простое соположение двух слов, основанных на примыкании, не обладает большой устойчивостью. Совершенно очевидно, что основой изафета II послужили притяжательные конструкции типа тат. *ат башы* 'голова лошади'. Наличие связующего формального элемента, притяжательного аффикса 3-го лица, делало конструкцию более устойчивой.

3-й тип изафета можно рассматривать как истинный изафет в том смысле, что он представляет собой сочетание двух существительных и оба члена сохраняют свои значения имен существительных. Конструкция образуется по определенной схеме. Первый член представляет форму род. падежа, второй имеет притяжательный аффикс 3-го лица. Примеры: кирг. *пидия тулшугу* 'хобот слона'; кум. *уьлкени юреги* 'сердце страны'; кбалк. *сүүнү аягы* 'устье реки'; алт. *улустың ортозы* 'середина деревни'; чув. *кашкърсен пурнăсе* 'жизнь волков'; тув. *карақтың каразы* 'зрачок глаза'; аз. *кәндлиниң һаяты* 'жизнь крестьянина'; тур. *zehrin küçü* 'окраина города'; тат. *океанның өлеше* 'часть океана'; каз. *Мараттың жрбасы* 'проект Марата'; башк. *Институттың дөйөм йыйлышы* 'общее собрание института'; уйг. *амбарниң буҗиги* 'угол амбара'; узб. *ойнинг диаметри* 'диаметр луны'; туркм. *директорын буйругу* 'приказ директора'.

Поскольку в 3-м типе изафета определение указывает на индивидуальный предмет, то здесь и преобладают отношения принадлежности.

3-й тип изафета связан с развитием категории определенности, находящей свое формальное выражение в род. падеже. Поэтому он встречается во всех тюркских языках, где развит род. падеж (т.е. во всех, кроме якутского). Однако степень его распространенности в различных языках неодинакова. Для гагаузского языка 3-й тип изафета имеет более ограниченное распространение. Частотность распространения изафета III в чувашском языке такая же, как изафета I. Вообще по сравнению с изафетом II изафет III встречается значительно реже. Однако общие закономерности его употребления выдерживаются во многих языках. Ср. алт. *Ол агаштыг тӧзинде казандый теервек сӱттӱ кӧл* (Алтын-бизе, 19) 'У подножия тех деревьев круглое, как чаша, молочное озеро'; гаг. *Файтонун бир текерляӧ шансора кукунун кенарундайды* (Карачобан, 13) 'Одно колесо фазтона уже было на краю ямы'; каз. *Капитализмнің күреуі және коммунизмнің жеңуі болмай қалмақ емес* 'Гибель капитализма и победа коммунизма неизбежны' [РКСл. 1954, 267]; кбалк. *Малчылань тилеклерине кӛре жарашдырылган концертни бериб башлайбыз* (Гуртуев, 3) 'Мы начинаем передавать концерт, устроенный по желанию животноводов'; тур. *Seyahat müddetini üç aya çıkardın* 'Срок путешествия ты довела до трех месяцев'; туркм. *Атың өлүми – итиң байрамы* 'Смерть коня – праздник собаке' [ФСл. 1963, 37]; уйг. *Сөһбәт көңүллүк өтүн, ахирида омичиларниң чаң басқан, күндә көйгән қара чирайлирида үмүт үчқунлири ойнигандәкму болди* (Босаков, 32) 'Разговор шел оживленно, под конец на запыленных, загоревших на солнце черных лицах жнецов словно заиграли искры надежд'; чув. *халӑхсен туслӑхӗ* 'дружба народов' [Дмитриев 1955, 124] и др.

Ср. тюркские памятники – Кюль-Тегин: *Олурьпан тӱрк будуның илн тӧр(үс)ін тута бirmic игі бirmic* 'Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установление тюркского народа' [Малов 1951, 28, 36]; Среднеазиатский тефсир: *Адәмиләрнің жүрәкләрі* 'Сердца людей' [Боровков 1963, 144] и др.

Возникнув в связи с развитием род. падежа, служащего для более точного указания отношений принадлежности, изафет III в целом имеет гораздо более суженные рамки своего употребления, чем изафеты I и II. Отчасти это объясняется стремлением избежать плеоназма. Вместе с тем наблюдается и другая тенденция, грамматически вполне мотивированная. Все три типа изафета, образующие единую цель в пределах одной грамматической категории, развивают в себе и общее в семантическом плане. Иногда изафет III может иметь значение неопределенной категориальности: каз. *жүректің демікпесі* 'сердечная астма' [РКСл. 1954, 30]; тур. *ilmin faydası* 'польза науки' и т.д.

При относительной условности употребления изафета III можно указать случаи, когда необходимость его употребления продиктована контекстуальными условиями:

1) определение в изафетном сочетании имеет свое определение-уточнитель; ср. аз. *Ленинград сосялист ингилабынын бешийидир* (Ибрагимов 1958, 8) 'Ленинград является колыбелью социалистической революции'; туркм. *Иң улы яраң хем авусы гидер, эмма яман сөзуң авусы гитмез* [ФСл. 1963, 15] 'Боль от самой большой раны пройдет, а боль от дурного слова не пройдет'; узб. *Колхозеа улуе Октябрьнинг шахомчиси ва ташкилотчиси*

В.И. Лениннинг номи берилди (Шарипов, 18) 'Колхозу дали (присвоили) имя В.И. Ленина, вдохновителя и организатора Великого Октября';

2) определение в изафетном сочетании имеет конкретизирующее определение – указательное или притяжательное местоимение: туркм. *Шол гунуң агшамсы колхозың правление членлериңиң межлиси болды* (Маммадов, 55) 'Вечером того дня было собрание членов правления колхоза'; хак. *Пистинь городтынь кизилери* 'Люди нашего города' [ХРСл. 1953, 479] и др.;

3) оформление по 3-му типу изафета выдерживается и в случае присутствия у определения аффикса принадлежности; ср. тур. *Daha kendisinin haberi yokmuş* (Sabahattin 1966, 15) 'Больше от него самого не было известий';

4) определение в изафетном сочетании имеет конкретизирующее определение – имя числительное; ср. каз. *Төрт жігітің біреуі* (Сейфуллин, 111) 'Один из четырех молодых людей';

5) оформление по 3-му типу изафета возможно в случае, если определение представляет собой собственное имя, географическое название, этноним; ср. узб. *Саодатнинг чиройига яна чирой қўшилган* (Шарипов, 6) 'К красоте Саодат прибавилась еще милость'; уйг. *Кунниңиссигиму, яки йеңила болуп өткән талашниң тәсириним, Махпирниң чирайи кизирип кетипту* (Босақов, 28) 'От дневной ли жары или в результате только что происшедшего спора лицо Мехпир покраснело';

6) оформление по 3-му типу изафета возможно и в случае, если определяемое выражает часть целого. Ср. тат. *Да, брат, хатын бу! – ди осталарның берсе* (Еники, 47) 'Да, брат, это женщина! – сказал один из мастеров';

Род. падеж определения выражает родовую принадлежность, соответствующую родовому (генеративному) артиклю в индоевропейских языках; ср. нем. *Der Mensch ist was er isst* 'Человек есть то, что он ест'. В данном случае *der* обозначает целый род.

Семантика родового артикля имеет неустоявшийся характер, проявляясь в разных языках по-разному; ср. тув. *Тенектиң сөзү аңчыг, теректиң бурүзү ажыг* 'У глупца слова противны, у тополя листья горьки' (Тыва домак, 30, 31); туркм. *Илиң сөзи – деңзиң сувы (толкуну)* 'Молва людская, что волна морская'; *Илиң чөрегине аңкарма* 'На чужой каравай рот не разевай' [ФСл. 1963, 80].

Род. падеж определения сохраняется в изафетном сочетании в случае, если оно раздвинуто другими определениями, а не находится таким образом в непосредственной близости с господствующим членом. В тюркских языках существуют различные причины такого раздвижения. Не всегда действует только фактор выражения определенности. Причины могут заключаться в чисто семантической стороне изафетного сочетания. Передаваемые изафетом III отношения не составляют органической характеристики предмета. Это главным образом категориальные отношения. Немаловажное значение имеет и фактор структурной организованности изафетного сочетания. Чем больше разрыв между членами изафета, тем более требуется оформление в род. падеже. И, наконец, может действовать эмфатический фактор – стремление выделить первый член изафетного сочетания.

Изафет III может образовать так называемую трехчленную конструкцию, включающую три основных члена: "определение в род. падеже + определение (причастная форма) + определение с аффиксом принадлежности". Ср. каз. *Анда-санда тауықтың шақырған дауысы естіледі* (Сейфуллин, 23) 'Изредка слышался спор кудахтающих кур'; гаг. *Май башы иде. Бөреләрнең ачыла башлаган чагы* (Еники, 91) 'Было начало мая, время, когда начинают распускаться почки'; тур. *Aklının ermediği şeylere burnunu sokta* (Sabahattin 1966, 33) 'Не суй свой нос в дела, которые не твоего ума'; узб. *Онанинг кечалари айтган алласи нақадар ширин* (Шарипов) 'Как приятна колыбельная песня, которую вечерами поет мать' и т.д.

Изафет III, провизывая структуру как простого, так и сложного предложения, нередко образует последовательную цепочку, части которой могут быть однородными и неоднородными. В цепном изафете наблюдаются тенденции к техническому сокращению в оформлении род. падежа: аз. *Иран ҳамکارлар иттифагы нумайендалари* 'Представители иранского профессионального союза'; гаг. *Бир илач оту көкү* (Буджактан, 109) 'Корень целебной травы'; узб. *Звено аъзолари ҳаммаси* (Шарипов, 28) 'Все члены звена'.

3-й тип изафета последовательно сохраняется в конструкциях с *бар, йок, болган*, выражающих конкретную принадлежность. Ср. гаг. *О падишаайын да вармыш бир кызы, ады Софи* 'У этого царя была дочь по имени София'; кирг. *Досуца сыр айтпа, досудун досу бар* (погов.) 'Не раскрывай тайны другу своему: у твоего друга есть свой друг' [КРСл. 1965, 98]; туркм. *Оларың арасында Оразың хас ыснышың достлашан адамлары да барды* (Мәммадов, 6) 'Среди них у Озара были люди, с которыми он сблизился и сдружился'; тюркские памятники – Родословная туркмен: *Алинің бір јаш оғлы бар әрді Кылыч Арслан атлык* 'У Али был годовой сын по имени Кылыч Арслан' [Кононов 1958, 124].

Параллельно генитивным конструкциям 3-го типа изафета в тюркских языках развиваются конструкции с объектно-пространственными падежами:

с исх. падежом: аз. *Едди кирвэнкэлик гэндлэрдэн бир кэллэ* (МН, 67) 'Одна головка сахара на семь фунтов'; кбал. *Жашчыкыладан бири алай айтханды* 'Один из мальчиков так сказал' [МБД 1962, 66, 67]; узб. *Звено аъзоларидан энг кичкинаси сарви* (Шарипов, 28) 'Самая маленькая из членов звена'; Родословная туркмен: *Іг бак чораның оқланларындын бірісі* 'Один из сыновей Игбекчоры' [Кононов 1958, 133];

с местн. падежом: аз. (кедабек, говоры) *Сиздә өјдә бир шей тапа биләјихми јимә?* (вм. *Сизин евиниздә јемајә бир шей тапа биләјәјихми?*) 'Мы найдем что-нибудь у Вас покусать?' [Садыков 1964, 26];

с дат. падежом: тув. *Эки кижээ эш хөй эки автка ээ хөй* (посл.) 'У хорошего человека друзей много, у хорошего коня хозяев много' [ТРСл. 1955, 578]; уйг. (хамийское наречие) *Кызы јокка кыз болумен* 'У кого нет дочери, буду дочерью' [Малов 1954, 78, 80]; Кюль-Тегин: *Табгач кағанка јағры болмыс* 'Стали врагом кагана народа табгач' [Малов 1951, 29, 37]; Кутадгу билиг: *Јула әрді халққа қарағуи тийі* 'Он был светильник народа в темную ночь' [Малов 1951, 240, 269].

При построении изафета III возможны разного рода аномалии. Так, при оформлении первого члена в род. падеже второй член может не принять

аффикса принадлежности. Ср. алт. *Дьус сооьктү карындаш уктап каларда, олорды сойондор курчаган* 'Когда братья рода Дьус уснули, сосны их окружили' [Баскаков 1958, 82]; кбалк. *Барысы да олтуруб, бишген каунажин этни эки гёжеф бла келинни аллына юч юмюш этиб салгандыла* 'Все уселись и сваренную тушу нетели разделили на три порции и поставили перед (преподнесли) двумя богатырями и снохой (двум богатырям и снохе)' [Филоненко 1940, 21, 23].

Эти аномалии встречаются не только в стиле разговорной речи, но и в стихотворном жанре: тат. *Бу авылның бер егет киткән урманга утынга* 'Парень из этой деревни поехал в лес за дровами' [Закиев 1963, 170].

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – ГЛАГОЛ, ЗАВИСИМЫЙ – ИМЯ

Подчиненный элемент в знак своей зависимости от подчиняющегося слова принимает определенную грамматическую форму. В качестве способа выражения синтаксических отношений между словами используется управление. Последнее проявляется в том, что подчиненные глаголам имена принимают определенную падежную форму. Специфика глагольных словосочетаний заключается в том, что они, выражая действие с его объектом и обстоятельствами, в потенции могут быть и предложениями, тем более что глагол содержит в себе выраженный субъект действия. Ср. аз. *бел гәтурун* букв. 'лопату принесите (вы)', т.е. каждое словосочетание – с формальной точки зрения предложение с опущенным подлежащим. А в определенных типах атрибутивных словосочетаний, как было показано выше, опускалось сказуемое. В этом плане можно констатировать существование известной симметрии – приближение к предложению по однотипным линиям.

Поэтому если считать, что глагольные словосочетания, как и именные, существуют на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением, то нужно оговорить следующее. Словосочетание может выражать действие с его субъектом и обстоятельствами, но это действие взято в чисто статическом плане, не соотносимом с субъектом действия. А главное это то, что, говоря о словосочетании, нас интересует определенный комплекс слов, организованный по принципу: главный формирующий член и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях. Но это общий принцип и для именных и для глагольных словосочетаний. Комплексы именных и глагольных словосочетаний неодинаковы (неоднородны). Если именные словосочетания подходят к грани предложений в отдельных случаях, при распространении обстоятельственными членами, то глагольные словосочетания больше тяготеют к предложениям по своей природе (так как глагол в своей потенции всегда предикат).

Вин. падеж в современных тюркских языках, как известно, выполняет две основные функции – он выражает объект глагольного действия и одновременно указывает на его определенность или неопределенность. Последняя функция обуславливает наличие двух форм вин. падежа – неопределенной и определенной. Если объект неопределенный, то в тюркских языках употребляется безаффиксальная форма вин. падежа, которая,

по существу, ничем не отличается от формы им. падежа. При определенном объекте действия употребляется форма, имеющая особый показатель вин. падежа.

Зависимый член – имя в вин. неопределенном падеже, ср. аз. *Бурада киши костюмлары вә плащ тихирлар* (Аз. гадьны) 'Здесь шьют мужские костюмы и плащи'; тат. *Жир сәрдем алга китмәдем, таи казыдым – тамагым туймады* (Гази, 73) 'Землю пахал – вперед не ушел, камень копал – горло мое не насытилось'; тув. *Демнинг сааскан теве тудуп чиир* 'Дружные сороки и верблюды одолевают' (Тыва домак., 18, 14); узб. *Ленин колхозидан фронтга ҳар куни йигитлар жўнаб турди* (Шарипов, 11) 'Из колхоза им. Ленина на фронт каждый день посылали молодых людей'; чув. *Радио тӓрӓх Мускавран сӓнӓ хыпарсем, концертсем итлетпӓр* (Уйӓп, 11) 'Слушаем по радио из Москвы новые известия, концерты'.

Зависимый член – имя в вин. определенном падеже. В отдельных зонах распространения тюркских языков аффикс вин. падежа имеет различную форму.

Показатель *-ы/-и/-у/-ү*. Эта модель встречается в южных языках. Ср. аз. *Садыг да, сөз йох, башлады сөһбәти* (МН, 11) 'Начал беседу безусловно (именно) Садык'; гаг. *Те бу бакыры алтын парайлан булдум* (Буджактан, 151) 'Вот это ведро с золотом я нашел'; туркм. *Мен хем бир шейле гызы сөйсөмдим* (Гурбансәхедов, 226) 'И мне бы полюбить такую девушку'.

Вин. падеж с показателем *-ы/-и*, по-видимому, является наиболее древней формой. Наидревнейшим реликтом этого показателя является окончание вин. падежа *-ы/-и* у личных местоимений, повсеместно распространенных во всех тюркских языках. Ср. каз. *Мені масқара қылдың* (Сейфуллин, 25) 'Ты меня опозорил'; туркм. *Мен сени сөйәрдим* (Гурбансәхедов, 217) 'Я тебя любил'; тюркские памятники – Кутаду билиг: *Köğän anu män, mäni körsüni* 'Посмотрю я его, а он пусть посмотрит меня' [Малов 1951, 254, 276].

В различных тюркских языках можно встретить окончание вин. падежа с буферным *-н*. Такое буферное *-н* обычно появляется в положении между гласными, ср. аз. *Бу баланы көрүрәм* 'Я вижу этого ребенка'; алт. *Көн арагыны ичте* 'Араки много не пей' (Алтын-бизе, 87, 30); каз. *аннаны оятты* (Сейфуллин, 23) 'Он разбудил мать'; тат. *Ротаны төзегез. Капитан сөйләшчәк* (Әпсәләмов 1953, 9) 'Выстраивайте роту. Капитан будет говорить'; тюркские памятники – Родословная туркмен: *іккі кишині күтәр-мәгәйләр* 'двух человек (на царство) пусть не поднимают' [Кононов 1958, 151]. Правда, в турецком языке в интервокальной позиции встречается буферный *-j*, ср. *карыш ашты* 'открыл дверь' и др.

Согласный *н* в окончании вин. падежа встречается после аффиксов принадлежности. Ср. аз. *Сизә бүтүн Азәрбайман халгынын саламыны жәтирмишик* (Ибраһимов 1958, 4) 'Мы вам привезли привет от всего азербайджанского народа'; туркм. *Азашан ызыны тапды* (Мәммәдов, 64) 'Заблудившийся нашел свой след (дорогу, откуда пришел)'; башк. *Йәлил саныларын майлай* (Әмири, 5) 'Джалиль намазывает лыжи'; кирг. *Кыз башын көтөрдү, жигитти көрдү* (Жусупов, 15) 'Девушка подняла голову и увидела джигита'; хак. *Таңда ікинчизін идерім* (Бурнаков, 18) 'Завтра отправлю вторую'.

Происхождение буферного *и* не совсем ясно. В кыпчакских языках он мог возникнуть под влиянием распространенного в этих языках окончания вин. падежа *-ны*. В огузских языках буферное *и* трудно поддается объяснению.

Существует еще вариант окончания вин. определенного падежа — *-ны/-ни*, распространенный в кыпчакских языках. Ср. узб. *Сарви ўн олтинчи баҳорни ўтказмоқда* (Шарипов, 28) 'Сарви проводит шестнадцатую весну'; каз. *Ол кітапты (<кітапны) алды* 'Он взял книгу'. Показатель *-ны* встречается и в тюркских памятниках относительно позднего периода — Огузнаме: *Тоғуз күндүн соң, Оғуз қағанға айқир атні кәлдүрдү* 'Через девять дней привел Огуз кагану коня' [Шербак 1959, 48]. Причина появления варианта окончания *-ны/-ни* достаточно хорошо известна. Оно возникло в результате переразложения основ личных местоимений с исходом на *-и*. В тюркском праязыке его не было.

Зональный характер носит и модель глагольных сочетаний с вин. падежом на *-ыг*, встречающихся в большинстве тюркских памятников. Ср. памятники Кюль-Тегин: *Төрт булуңдакы будунуң кон алмыс* 'Они покорили все народы, жившие по четырем углам [Малов 1951, 36]; Тоньюкук: *Артис йүзүг кәкә кәлтимиз. Алтун йысуу аса кәлтимиз* 'Через реку Иртыш мы пришли. Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь' [Там же, 63, 68]; Золотой блеск: *Ви өтүг битиг иг оқују тукәтир* 'Закончив (читать) эту какаиную (?) грамоту' [Там же, 156, 160] и т.д.

Существует устоявшаяся точка зрения относительно происхождения окончания *-ыг*: падеж на *-ыг* представляет древнейшую форму вин. падежа в тюркских языках. Г.И. Рамstedт отождествлял его с монгольским вин. падежом *-ыг* [1957, 37]. По нашему мнению, окончание вин. падежа *-ы* могло возникнуть в результате отпадения конечного *-а*, которое до момента этого отпадения могло превратиться в *-к*, ср. тат. *каты* 'твердый' (<*катык*<*катыа*), *сары* 'желтый' (<*сарык*<*сарыа*).

Судьба конечного *-ыа* могла быть довольно сложной, ср. отражение архетипа слова *сатыа* 'продажа' в различных тюркских языках: тат. *сату*, ккалп. *сатыв*, як. *аты*. Конечное *-ыа/-иа* сохранилось в тувинском и хакасском языках. Однако в этих языках нет вин. падежа с окончанием *-ыа/-иа*. По-видимому, винительный на *-ыг* в отдельных тюркских языках возник позднее.

Зависимый член — имя в дат.-напр. падеже.

Дат.-напр. падеж с показателем *-а/-иа* (в интервокальной позиции). Эта модель выражает прежде всего локальную направленность действия, а также действие с косвенным объектом: аз. *Биз бурдадажмайыа отуруруг* (Ибраһимов 1958, 10) 'Мы здесь садимся на парохол'; тур. *Deliklerinden aşığa denize akıyordu* (Halikarnas, 11) 'Из всех щелей стекала вниз вода'; тюркские памятники — Тоньюкук: *Anta ötrü qayanyma öüntüm* 'После этого я обратился с просьбой к кагану' [Малов 1951, 61]. Модель глагольных словосочетаний с дат.-напр. падежом на *-а* можно возвести к праязыковому состоянию. И исходными, очевидно, были пространственные значения.

Дат.-напр. падеж с показателем *-аа*. Эта модель свойственна кыпчакским языкам. Ср. кирг. *Аны медпунктка жеткиришти* (Каимов, 138) 'Его доставили в медпункт'; тат. *Безне машиналарга угырттылар* (Дәү-

ли 1962, 11) 'Нас посадили в машины'. Распространена в тюркских памятниках – Кюль-Тегин: *ilgärü Kađыркан jышка tägi, kiryü Tämir kапыа-ка tägi контурмыс* 'Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кодырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темиркапыга (до "Железных ворот") они расселили свой народ' [Малов 1951, 29, 36]; хорезмийские памятники XIV в.: *Ал киши бу агулдуғны евеэ келтурди* 'Тот человек принес этот клад домой' [Фазылов 1966, 50].

Вопрос о том, какой из двух вариантов окончаний дат.-напр. падежа возник раньше, не имеет в тюркологической литературе достаточно ясного ответа. А.М. Шербак высказал предположение, что *-а* в огузских языках восходит к *-ға* [1977, 37]. Однако есть гораздо более веские аргументы в пользу того, что вариант окончания *-а* возник значительно раньше варианта *-ға*.

На производный характер показателя *-ға* указывают сохранившиеся даже в кыпчакских языках реликты дат.-напр. падежа, лишенного элемента *-к*. Ср. тат. *кулыма* 'моей руке', *итгәшәмә* 'моему товарищу', *кызына* 'его дочери'. При склонении с притяжательными аффиксами 3-го лица после притяжательных аффиксов вставляется *-н*. Любопытно, что к нему непосредственно присоединяется вариант дат.-напр. падежа *-а*, но не *-ға*. Если вариант *-ка* был первичным, то в этой позиции *-к* не могло утрагиться, так как для такой утраты не было никаких фонетических условий.

Многие окончания напр. падежей, например окончание *-ча* (ср. тув. *кем-че* 'к реке', шор. *мойунче* 'по горло', тат. *урмангача* 'по направлению к лесу', др.-тюрк. *башира* 'в голову', *оңра* 'вперед' и т.д.), неизменно содержат элемент *-а*, соединяемый с какими-то конкретизаторами основного значения.

Нам представляется, что В. Банг был единственным тюркологом, который напал на правильный след в попытках разрешения загадки происхождения дат.-напр. падежа на *-қа*. Он сопоставил элемент *-қ* с начальным согласным в афф. *-қы*, ср. *ташкы* 'внешний' (предположительно, падеж положения, покоя). Такой аффикс в тюркских языках действительно есть, ср. тат. *югары-гы* 'верхний', *алда-гы* 'передний', *тубән-ге* 'нижний', *өс-ке* 'верхний', туркм. *уч-кы* 'крайний, конечный', узб. *ич-ки* 'внутренний', каз. *ал-гы* 'передний', ккалп. *дүз-ги* 'находящийся в поле', ног. *иш-ки* 'внутренний' и т.д. [Bang 1917, 52].

Следует также иметь в виду еще одно важное обстоятельство. В языках наблюдается тенденция к укреплению суффиксов, состоящих только из одного звука или одного слога. Это осуществляется обычно путем соединения этих формативов с так называемыми коаффиксами. Суффиксом аблатива в финском языке когда-то был афф. *-la*, но в современном финском языке этот аффикс имеет форму *-sta*. В ненецком и финском языках мест. падеж имел когда-то суф. *-na*, но в современном ненецком языке он имеет форму *kana*, а в финском языке – форму *-ssa* (<*s-na*). Коаффикс не должен обязательно совпадать по значению с основным суффиксом. Важно, чтобы он имел какое-нибудь локальное значение.

Не исключена возможность того, что и в некоторой части тюркских языков, в языках кыпчакских, также происходило соединение древнего показателя дат.-напр. падежа *-а* с коаффиксом *-қ* (откуда окончание *-қа*). В этом

нет ничего невозможного. Вариант аффикса дат.-напр. падежа -ка, по-видимому, уже существовал в эпоху тюркского праязыка.

Для чувашского языка характерен показатель дат.-напр. падежа -на. Ср. чув. *Эпир Киров хулине ситрёмёр* (Уйăп. 6) 'Мы приехали в город Киров'. Очевидно, -н в притяжательном склонении использован в роли буферного средства.

Зависимый член – имя в местн. падеже. Аффикс мест. падежа -та/-да в раннем периоде развития тюркских языков имел два значения – значение местн. падежа и значение отлож. падежа, ср. др.-тюрк. *таз-да* 'на горе' и *кыз-да йаш* 'слезы из глаз'.

Значение отлож., или исх., падежа довольно хорошо представлено в памятниках древнетюркской письменности, где показатель -да употребляется для выражения исходного момента действия. Ср. Кюль-Тегин: *Он ок орым тўргис каганта Макрач тамчачы, Огуз Билгә тамчачы кәлтi* 'От народа десяти стрел и от сына моего кагана тюркешского пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге' [Малов 1951, 33, 64]; Тоньюкук: *Türk budun, qanyn bolmajyn, Tabγačda adyrylty, qanlantu* 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач; сделается народом, имеющим своего хана' [Там же, 61, 64]; Памятник из Суджи: *Uğur jirintä Jarlaqar qan ata kältim* 'Я, Яглакар-хан-ата, пришел из уйгурской земли (или из уйгурской земли, называемой Яглакар-хан; или ...из уйгурской земли, от Ягла-кар-хана)' [Там же, 76, 77]; Кутадгу-билиг (наманг.): *Taqy mändä jägräk sän aγy! aca!* 'Ты же лучше меня скажи, (тоже) выбирая (слова)' [Там же, 251, 276] и т.д.

Отдельные случаи употребления местн. падежа в значении исх. сохраняются в диалектах тюркских языков, ср. тат. (иократский говор) *анда соңра* (вм. *аннан соң*) 'после этого'.

После отделения исх. падежа на -дан словосочетание с падежом на -да стало выражать значение местонахождения. Ср. тур. *Bu da uzun yıllar Fransa-da bulunmuş* (Nesin 1962, 49) 'А он находился долгие годы во Франции'; туркм. *Олар Челекен районының Гарагөл обасында отурардылар* 'Они жили в деревне Гарагөл Челекенского района'; хак. *Ансаяс тас турада чуртанча* 'Старичок живет в каменном доме' (Кербабаяев, 9); чув. *Владивосток хули питех те шемлӓ вырӓнта вырначӓ* (Уйăп, 41) 'Город Владивосток расположился на очень красивом месте' и др.; тюркские памятники – енисейск.: *Алгун әліг кәшіг бәлімтә бантым* 'Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками я повязал на своей пояснице' [Малов 1951, 277]; Мухаббат-наме: *Кадах јаврүлди ош бустан ічіндә ууш ігел рахнӓ раіхан ічіндә* 'Вот кубок опрокинулся в сад; пей, наслаждаясь, вино в райском источнике' [Щербак 1959, 132, 153].

Глагольные словосочетания с именем в местн. падеже, выражающие естественные пространственные отношения, единообразны во всех тюркских языках. Они отличаются единством грамматических формальных показателей и выражаемых ими значений. Таким образом, при единстве формальных показателей и передаваемых ими значений есть основания отнести модели глагольных словосочетаний с именем существительным в местн. падеже к праязыковому состоянию. Вместе с тем можно констатировать, что в отдельных тюркских языках у этой модели глаголь-

ных словосочетаний зафиксированы производные пространственные значения. Эти значения очень многообразны, поэтому их трудно возвести к праязыковому состоянию, ср. алт. *Кинде (кийининде) бир байда дыаткан* 'После этого он жил у одного бая' [Баскаков 1958, 83].

Производными являются и значения принадлежности: алт. *Менде де үч кыс бар* 'И у меня три дочери-невесты есть' (Алтын-бизе, 27). В чувашском языке мести. падеж имеет также значение твор. падежа, например: *Ухтайкин санитарта ёсленё* 'Ухтайкин работал санитаром'.

Зависимый член — имя в исх. падеже. Эти словосочетания выражают прямые пространственные отношения, исходный момент действия. Как уже говорилось, в древности в тюркских языках не было специальной формы исх. падежа. Позднее, по-видимому, на поздней стадии тюркского праязыка, появился специальный исх. падеж с показателем *-тан/-дан*.

Существуют различные гипотезы о происхождении этого окончания. Вероятнее всего, здесь к окончанию древнего локатива-аблатива *-та* присоединилось *-н*. Это *-н* было окончанием специального дат.-напр. падежа, от которого в современных тюркских языках сохранились только скудные реликты. В казахском, киргизском и каракалпакском языках встречаются у местоимений формы дат.-напр. падежа на *-ған*: *маған* 'мне', *саған* 'тебе', *оған* 'ему', *буған* 'этому'. Совершенно очевидно, что в данном случае к форме дат.-напр. падежа на *-ға* прибавлен какой-то особый падежный форматив, имевший сходное значение. В ногайском языке есть послелог *табаған* 'по направлению к чему-л.' с тем же окончанием *-ған*. В татарском языке, наряду с послелогом *таба* 'к', существует его разновидность *табан* с тем же значением. Татарскому послелогу *табан* в казахском языке соответствует послелог *таман*, совершенно одинаковый по значению, ср. каз. *батысқа таман* 'к западу', узб. *мактабга томон* 'по направлению к школе'.

Реликты дат.-напр. падежа на *-н* имеются в тофаларском языке, ср. мен. *сүе-ун чөрүмен* 'я иду к воде', *һәм-ун чөрүмен* 'я иду к реке' [Расадан 1976, 134].

В современных тюркских языках исх. падеж выражает только одно значение — 'движение от чего-л. или из чего-л.'. Примеры: аз. *Лениграддан чыхмайырлар* (Ибрагимов 1958, 9) 'Они не выезжают из Ленинграда'; гуркм. *Өйүнден чыкты* (Гурбансахедов, 246) 'Он вышел из дома'; узб. *Болтабой район марказидан келлпти* (Шарипов, 5) 'Болтабой приезжает из районного центра'; хак. *Ибден сыгара хонды* 'Он выбежал из дома' (разг.).

Можно предполагать, что уже в позднем периоде общетюркской эпохи существовали глагольные словосочетания с зависимым именем в исх. падеже на *-дан*, поскольку ни один из современных тюркских языков не позволяет воссоздать глагольные словосочетания с исх. падежом на *-да*. Это значит, что древний локатив-аблатив уже изменил значение в позднюю общетюркскую эпоху.

У исх. падежа развиваются различные переносные и более абстрагированные значения. Ср. кирг. *Көсөл винодон баш тартты* (Каимов, 31) 'Көсөл отказался от вина'; тув. *Ажылдан дескен, турегге дужер, Билигден дескен чазыгга дужер* 'От работы убежишь — в беду попадешь, от знания

убежишь – в ошибку впадешь' (Тыва домак., 32); тур. *Nihat niyadan uyançotmuş gibi* (Sabahattin 1956, 32) 'Нихат словно очнулся от сна'; туркм. *Алахекек ез дилинден өлер* 'Всякая сорока погибает от своего языка' [ФСл. 1963, 27]; узб. *Эр-хотин ишдан қайтишди* (Шарипов, 10) 'Муж и жена возвращались с работы' и т.д.

Развитие абстрагированных значений сопровождается выработкой определенной формульности в управлении. Так, например, глагол 'целовать' в тюркских языках управляет исх. падежом. Ср. аз. *Ушаевин алыныннан өндү* (Ибраһимов 1958, 144) 'Он целовал ребенка в лоб'; тур. *vanaklarından öptü* (Sabahattin 1956, 81) 'Он целовал (ее) в щеки'; узб. *Болтабой ... ушине ҳам юзларидан, кўзларидан ўнди* (Шарипов, 9) 'Болтабой ... поцеловал ее в лицо и глаза'.

Исх. падежом управляют в тюркских языках и глаголы, связанные с понятием 'бояться, остерегаться чего-, кого-либо': каз. *Автомобильден сактан!* 'Берегись автомобиля' [РКСл. 1954, 43]; кирг. *Каарман эч нерседен қорқпойт* (Кангельдиев и др., 208) 'Храбрый ничего не боится'; тув. *Ооржу кижі коданчы ыттан коргар, Тоолчу кижі уйгужу зитен коргар* 'Вор боится злой собаки, Сказочник – сонливых людей' (Тыва домак., 38); туркм. *Уйреген итден горкма сессиз итден горк* 'Не бойся собаки брехливой, а бойся собаки молчаливой' [ФСл. 1963, 81] и т.д. Это значение, по-видимому, очень древнее, так как оно связано с аналитическими представлениями древнего человека. 'Бояться' первоначально означало 'бояться злых духов, находящихся внутри врага, зверя' и т.д. Глагол 'бояться' управляет исх. падежом или конструкцией с предлогами 'из', 'от' во многих языках мира.

Глаголы, связанные с понятиями говорить о чем-л., думать о чем-л., узнавать о чем-л., спрашивать о чем-л. у кого-л. и т.д., также управляют исх. падежом: аз. *Дейүшүдлар өз ишлариндән; арзу, истәк вә вәзифәлариндән данышырлар* (Ибраһимов 1957, 5) 'Бойцы разговаривают о своих делах, намерениях, желаниях, обязанностях'; каз. *Енді ханнан сөйләйік* (КЕ, 64) 'Теперь поговорим о хане'; туркм. *Иаки эжесинден сорады* (Гурбансахедов, 230) 'Прежде всего он спросил у своей матери'; узб. *Мен сиздан сўрамоқчи эдим* (Муҳтор, 14) 'Я хотел у Вас спросить' и т.д.

Исх. падежом могут управлять и глаголы при неконкретном объекте, представляющем собою неопределенную часть целого. Ср. тув. *шайдан кут* 'налей чаю', *хлебтен бер* 'дай хлеба' [ТРСл. 1955, 644]. В этих случаях исх. падеж имеет значение партитива.

Глаголы движения нередко управляют исх. падежом, когда он приобретает значение пролатива, указывающего на место, по которому что-либо движется. Ср. узб. *кўшадан кириб келди* 'проходил по улице'; чув. *Эпир Байкал хёринче ларакан Слюдянка Танхой станцисенчен иртетпёр* (Уйяп, 14) 'Мы проезжаем расположенные по берегу Байкала станции Слюдянка и Танхой'; Родословная туркмен: *Ушол јолдын барыб* 'Пройдя той дорогой' [Кононов 1958, 133].

Зависимый член – имя в форме партитива. Эти сочетания характерны для якутского языка. Ср. *Маста хыйт* 'Наколи дров'; *Уута баһын* 'Натаскайте воды'; *Көмөлөһөр кийитэ булуи* 'Найди себе человека в помощь'; *Отто ааһи түпүөх хаалла* 'Надо было привести немного сена' [ГСЯЛЯ 1982, 134].

Глагольные словосочетания с именем в форме партитива – относительно поздние образования, поскольку в тюркском языке партитива не было. Подобные словосочетания отмечены также в тофаларском языке [Рассадин 1978, 32]. Партитив в якутском и тофаларском языках развился на базе древнего отложительно-местн. падежа.

Глагольные словосочетания с исчезнувшими в современных языках падежами.

Зависимый член – имя в форме инструтива (instrumentalis) на -ын. Эта модель была распространена в памятниках древнетюркской письменности. Ср. уйгурский памятник манихейского содержания V в.: *Birimči biz tudunčusuz ovutsuz soq jāk ücün saqynčyn söz in qylynčyn, j(ä)mä köz in körüp qolqaqyn äsidiþ tilin söz läp älgim sumup adaqyn jaryp, ürkä üz üksüz ämgätir biz* 'Мы без удержу и без стыда ради жадных демонов мыслью, словами, поступками, еще: увидев глазами, услышав ушами, беседаю языком, щупая руками, ходя ногами, издавна и непрестанно мы утруждаем' [Малов 1951, 119–120, 124–125]; Кутадгу билиг (наманганск.): *Tilägin nä ärsä, tilin, aï özün!* 'Все, что ты желаешь, выскажи ты сам, своим языком!' [Там же, 251, 276]; Золотой блеск: *Ol ödün бу үч тигин lap öz öz köñyllär intäki sakymyñ sav laryñ söziäñin, ötrü öpü turup ol арык içintä taky içkäpü kiptilär* 'В это время три царевича, побеседовав этими прочувственными в своем сердце словами, затем встали (со своих мест) и снова пошли внутрь бассейна того ручья' [Там же, 174, 180]; Гадательная книжка: *Altun qorty saqutyn qylyčyn käsipän, özüm jol(jul) intin bašymyn jol äbintin* 'Когда золотое мое чрево порезали мечом, мое тело (лежало) снаружи у дороги' [Там же, 80, 86]; Среднеазиатский тefsир: *imlädi anlar таба qashin közin* 'подавал ему знаки бровями и глазами' [Боровков 1963, 206]; юридические документы уйгуров X–XIII вв.: *Män Bintun, adai-nyñ äv-intin ünär-tä is-in kücin бүтүрү umadyn, ünimis ärmäz* 'Когда я, Бинтунг, хотел выйти из родительского дома, то не мог справиться с (возлагаемой на меня) работой и не вышел' [Малов 1951, 202–203].

Модель глагольных словосочетаний с именем в инструтиве на -ын не встречается в современных тюркских языках. Можно говорить лишь об отдельных реликтах этого падежа. Реликтами инструтива являются образования типа тур. *kışın* 'зимой', *yaşın* 'летом', ккалп. *сузин* 'осенью', шор. *кун-үн* 'днем', як. *сайын* 'летом', каз. *жасырым* 'тайком' и т.д.

Остатки инструтива сохранились в некоторых образованиях современного чувашского языка. Ср. *Аллаң пар та уран уг* (посл.) 'Руками отдай, а ходи ногами'; *куşан кур* 'своими глазами видеть, воочию видеть'; *тыррән ил, укқан түле* 'хлебом бери и плати деньгами' [МГЧЯ 1957, 27]. Остатки древнего инструтива В.В. Радлов усматривает в якутском показателе совмest. падежа -лыын, возникшего якобы из древнего инструм. падежа прилагательных на -лык/-лых с приращением афф. -ын (*агалыын* <ага + лыг + ын [Харитонов 1947, 113]).

Древний инструтив в тюркских языках исчез. Не исключена возможность, что материалом для создания формы род. падежа служила форма инструтива на -ын/-ин. Такое использование может показаться на первый взгляд совершенно невероятным. На самом деле у значения принадлежности и значения совместности есть точки соприкосновения. Владение чем-либо предполагает определенную близость предмета и его обладателя.

Выражение 'У девушки есть кошка' в валлийском языке может быть выражено фразой 'Имеется кошка с девушкой'. Показатель род. падежа в марийском языке формально совпадает с показателем древнего комитатива, ср. мар. *ял-ын* 'деревни' и *йол-ын* 'пешком' (букв. 'ногами').

Использование в тюркских языках формы инструктива, или орудийного падежа, на *-ын* в роли род. падежа является, по-видимому, главной причиной его исчезновения. Что касается конечного *-ң*, препятствующего отождествлению аффикса род. падежа *-ың/-иң* с аффиксом инструктива *-ың/-иң*, то он мог возникнуть нефонетическим путем.

Зависимый член — имя в напр. падеже на *-ча*. Данная модель довольно раннего происхождения и может быть отнесена к праязыковому состоянию. Она зарегистрирована в памятниках древнетюркской письменности. Ср. Золотой блеск: *ol balyq qaryuča kigürüp, bir bök itivä ildip* (чит. *iltip*) *ıırdyn jıtaq üzläntürdi lär* 'Подведя меня к воротам того города и доставя внутрь темницы, меня заставили подняться куда-то к горной стороне' [Малов 1951, 156, 159]. Ранние памятники тюркской письменности свидетельствуют также о том, что напр. падеж на *-ча*, помимо терминативного значения, имел также пролативное значение (движение по чему-либо). Ср. уйгурский памятник XIII в.: *antun öñi jolča jortdy ol moıoı-laruy* 'Он проводил этих магов, проведя их другой дорогой' [Там же, 136, 137].

В татарском, башкирском, узбекском и уйгурском языках имеются крайние скудные остатки напр. падежа на *-ча*. Ср. тат. *үлгәнчә яратам* 'люблю до смерти'.

Иногда афф. *-ча* выступает в соединении с афф. *-ға*. Ср. тат. *Стенагача сузу* 'Дотянуть до стены' [Закиев 1963, 126]; узб. *Куюк, зифатдан кейин бошланган ўйин-кулги, хангама қоқ ярим кечагача давом етди* (Шарипов, 7) 'После обильного угощения начавшееся веселье, беседы продолжались (длительно) до полуночи; уйг. *Баралмайман, белүнүп өй тутмигача — дәп беишши чайқиди Гульсум* (Техтемов, 7) 'Я не могу ехать, пока он не выделился и не обзавелся хозяйством, — сказала Гульсум и покачала головой'; *Қудрат сәһәрдин та һазиргичә буғдай ориди* (Босақов, 10) 'Кудрет с утра до настоящего момента жал пшеницу'.

Сложный афф. *-гача* встречается в памятниках древнетюркской письменности. Ср. Родословная туркмен: *Ол вактдын та бу күнчәча* 'С того времени и по сей день' [Кононов 1958, 132].

Старое пролативное значение афф. *-ча* сохранилось в современных тюркских языках в послелого, означающем 'по'. Ср. тат. *урман буйынча* 'по лесу'.

Афф. *-ча* как показатель дат.-напр. падежа сохранился в тувинском, хакасском и шорском языках. Ср. тув. *Ол дуңмазынче көрген* 'Он смотрел на своего младшего брата' (разг.), *кемче* 'к реке', *хөлче* 'к озеру', *хорайже* 'в город', *ыйаише* 'на дерево'; хак. *Ол көзенегеске көгісче кирдим* 'Я в оконечко по грудь залез' [ХРСл. 1953, 647]; шор. *Қойлар чолча нарчалар* 'Овцы идут по дороге (вдоль дороги)' [Дыренкова 1942, 64]; хак. *тайгача* 'по тайге' и т.д.

Падеж на *-ча*, по-видимому, был довольно широко распространен в общетюркскую эпоху, о чем свидетельствуют его реликты во всех группах современных тюркских языков. Первоначально он имел направительное значение, которое в настоящее время сохранилось в чистом виде только в

тувинском и отчасти хакасском языках. Наряду с направительным значением этот падеж имел также и терминативное значение, выражая движение до какого-нибудь предела. Ср. хак. *kögışçe* 'по грудь', тат. *улғанчэ* 'до смерти' и т.п.

Глагольные словосочетания с дат.-напр. на *-ча* для современных языков не характерны.

Словосочетания с эквативом на *-ча*. В тюркском праязыке существовал особый падеж — экватив, выражающий сравнение. Этот падеж имел афф. *-ча*. Ср. Кюль-Тегин: *каның субча јүгүрти сөңүкүң таңа јатды* 'Твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромоздились там), как горы' [Малов 1951, 31, 39]; Памятник из Суджи: *оуланым әрдә маргутунча бол* 'Мой сын! По доблести (?) будь как мой учитель!' [Там же, 77].

Сравнительное значение показателя *-ча* сохранилось в целом ряде образований (преимущественно наречных) и в современных тюркских языках: тат. *Мин хәзер хатынқызларны яңача сөйәм* 'Я сейчас женщин люблю по-новому' (разг.); туркм. *онларча километре јәрайарды* (Кербабаев, 5) 'простирались на десятки километров'.

Многие тюркологи отождествляют экватив (по происхождению) с направительным на *-ча* [Шербак 1977, 61]. По-видимому, такое допущение неверно. Скорее всего, здесь два омонимичных аффикса разного происхождения. Древний напр. падеж на *-ча* выражал только направление. Афф. *-ча*, употребляемый при сравнении (ср. др.-тюрк. *јуз-ча* 'около ста', *тагча* 'как гора'), имеет совсем другое происхождение. Генетически он связан с аффиксом прилагательных, обозначающих ослабленное качество типа аз. *узун-ча* 'длинноватый', кирг. *ақча* 'беловатый'. Значение сравнения как неполного уподобления могло развиваться на базе значения ослабленного качества.

Словосочетания с дат. -напр. падежом на *-ару/-ару*. Этот падеж зафиксирован в ранних памятниках тюркских языков. Ср. Кюль-Тегин: *Мағу* (или *Амғу*) *Курған (к)ышлат јазыңа оғузару сү ташиқдымыз* 'Перезимовав в укреплении Магы (или Амгы), весной мы вышли с войском против огузов' [Малов 1951, 33, 42]; Памятник в честь Тоньюкука: *Anča ögläsmis önrä Türk qatıñaru sülälüm timis* 'Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана' [Там же, 62, 67]; Галатейная книжка: *Bäg är jontıñaru barmıñ* 'Князь пошел к своему табуноу коней' [Там же, 80, 86].

Падеж на *-ару/-ару* является вторичным образованием от *-ру*. Последний также зафиксирован в ранних памятниках тюркских языков. Ср. *yüräk+rä ur* [Sabain 1950, 67] 'стреляй прямо в сердце', *äbinru* '(по направлению) к моему дому' [Рамstedт 1957, 44]. Реликты афф. *-ру* сохранились в ряде языков в наречных образованиях. Ср. тур. *іçeri* 'внутри', *dışarı* 'наружу', *ileri* 'вперед'. Следует заметить, что *-ру* представляет, так же как и *-ры*, аблаутный вариант афф. *-ра*.

В уйгурском языке и в ранних памятниках этот показатель сохранился в формах дат.-напр. падежа личных местоимений. Ср. уйг. *аңар* 'ему', *тиңар* 'этому'; Махмуд Кашгарский: *بک انگار ات بیری* (МК I, 35) 'Бей дал ему яд'; Средне-азиатский тефсир: *Ол малің үшрін аңар бәрсүн* 'Десятину с того имущества пусть дают ему' [Боровков 1963, 220].

Этимологически афф. *-ару/-ару*, видимо, слагается из двух контамини-

ровавшихся элементов *-a/-ə* и *-ru*. Падеж на *-pa/-pu/-ri* является древним направлятельным падежом, сфера употребления которого сильно сократилась еще в период общетюркской общности. В современных языках от него сохранились только очень скудные реликты: *bärü* 'сюда' (<*bän* 'я'), *anı* 'туда' (<*an* 'тот', что'), уйг. *kirü* (<*kärü*) 'обратно, в обратном направлении; прочь', як. *kiär* (то же); алт., тел. *jaru*, *jar* 'к', по направлению к' (<*jan* 'сторона').

Словосочетания с комитативом на *-лыг*. Афф. *-лыг*, по-видимому, очень рано, еще в эпоху тюркского праязыка, был использован как аффикс относительных прилагательных. Поэтому в тюркских языках глагольные словосочетания этого типа не сохранились.

Сочетания с именем, послелогоми и служебными словами. В тюркских языках широко распространены глагольные словосочетания, в которых послелоги конкретизируют значение дат. -напр. падежа.

В памятниках древнетюркской письменности была распространена модель глагольных словосочетаний с именем в дат. -напр. падеже на *-ea/-qa* + + послелог *tägi*. Ср. Кюль-Тегин: *ilgäru Kädyrkan yuşka tägi, kirü Tämir katyşka tägi konturmys* 'Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темир-Капыга (до Железных ворот) они расселили (свой народ)' [Малов 1951, 29, 36]; Среднеазиатский тегисир: *Ol waqtqa mäki hec ölüg suw üzä joqaru kälmäs ärdi* 'До того времени никогда труп не появлялся на поверхности воды' [Боровков 1963, 245]; Мухаббет наме: *Kijamatka täge kal sun atıç äzb äniç tapkuçda boldum aşi namän* 'Чтобы до судного дня сохранилось твое имя при тебе, я стал твоим сподвижником' [Шербак 1959, 148, 165].

Сочетания с именем в дат. падеже + послелог (*догру, чейин, кадар, тапандау, карап, тарап* 'к'). Ср. аз. *Məni buruğa dogru aparır* (Аз. галыны) 'Он меня ведет к скважине'; *Tehran duzunun ustunda учур* (Ибраһимов 1958, 24) 'Летит над тегеранской равниной'; кирг. *Прагага чейин бардым* (Жусупов, 36) 'Я дошел до Праги'; гаг. *Файтон девирилмиш куйу ичині* (Карачобан, 13) 'Файтон перевернулся (опрокинулся) в яму' и т.д.

Можно предполагать, что в общетюркскую эпоху послеложных конструкций было значительно меньше. Некоторые послелоги, возникшие на базе таких слов, как алт. 'низ', 'üst' 'верх', 'ич' 'внутренность', *ара* 'промежуток', *ян* 'сторона' и т.д., можно отнести к общетюркской эпохе. Если существовали послелоги, то существовали и послеложные конструкции. Вместе с тем много послелогов возникло уже в период изолированной жизни отдельных тюркских языков.

В тюркских языках существует значительное количество глагольных сочетаний с наречиями, имеющими формальные показатели. Однако изучение истории этих сочетаний связано с большими затруднениями, так как морфологические показатели наречий различных тюркских языков чаще всего не совпадают между собой.